

Абдуманап Алимбаев

МНЕ ЕСТЬ
ЧТО СКАЗАТЬ ВАМ,
ЛЮДИ

Рассказы

ТАШКЕНТ
Издательско-полиграфическое объединение
имени Гафура Гуляма

Р 2
А 50

Издание осуществлено
за счет средств автора

*Ответственность
за идейно-художественный уровень издания
несет автор*

Алимбаев А.

«Мне есть что сказать вам, люди»: [Рассказы].— Т.: Изд.-полигр. объединение им. Г. Гуляма, 1992.— 160 с.

Книгу А. Алимбаева составили рассказы, написанные им в разные годы. Все они повествуют о человеке — о величии и смятении его души, об ошибках и взлетах на жизненном пути, который в итоге оказывается не таким уж длинным, как предполагает в молодости человек, и это помогает ему осознать ценность каждого мига своего пребывания на земле.

Р 2

А $\frac{4702620201-51}{М 352 (04) - 92}$ — За счет автора.—92

© А. Алимбаев,
1992 г.

© Оформление.
Р. Азиханов, 1992 г.

ISBN 5-635-01188-8

*Если б кто-нибудь знал,
Что рвется мое сердце наружу,
Словно его кто-то гнал,
Как табун лошадей в зимнюю стужу!
И нежный женский голос звал: «Милый,
Я очень тебя прошу:
Выдержи, даже если ты очень устал.
Я жду и навстречу к тебе выхожу.
Единственный мой, ты никогда не плакал.
Что с тобой? Тебе больно!
Я слышу...»*

ЦВЕТЕНИЕ ГРАНАТА

РУК ВОЛШЕБНЫХ ДОБРОТА

Далеко в Каршинской степи раскинулось небольшое селение Каспи. Многие довелось ему пережить. Здесь проходил Великий шелковый путь, связывающий Азию и Европу, мчалась конница Александра Македонского, двигались татаро-монгольские полчища, отдыхали в боевом походе воины Тимура... Притягивал большой колодец Сардоба — хранилище хрустально чистой воды.

Под его сводами, как и прежде, гуляет ветер, слышатся таинственные звуки: кажется, где-то рядом на базарской площади разговаривают люди, раздаются окрики погонщиков верблюдов и звучит нежный голос матери, поющей колыбельную песню... Вокруг колодца, как немые свидетели

жизни предков, разбросаны многочислен-
ные осколки гончарной посуды, различной
домашней утвари, каких-то замысловатых
предметов.

Веками по безжизненному пространству
пустыни шли караваны. Палящее южное
солнце касалось своими огненными лучами
земли, сжигая вокруг все живое. Ни один
росток не мог пробиться через раскален-
ный песок. Но люди все равно поселились
здесь, рядом с живительной влагой ко-
лодца.

На Востоке говорят: человек в пути
всегда рад встрече. А встреча с людьми,
живущими в пустыне, радостна вдвойне.
Таким местом встреч в пустыне и стало
селение Каспи.

Жители Каспи встречали и провожали
караваны с надеждой, что они еще раз
пройдут через их селение. И караваны при-
ходили, потому что в этом селении жили
замечательные умельцы. Неподалеку они
нашли залежи удивительной глины, кото-
рая в их руках превращалась в кумганы
и пиалы, тандыры и в удивительные иг-
рушки. С давних пор шла молва о местных
мастерах. Не проходят теперь здесь боль-
ше караваны. Остался колодец, остался
древний памятник XVI века Султан Мир
Хайдар, да волшебная глина для волшеб-
ных человеческих рук. Не надо спраши-
вать, где живет гончар в селении Каспи —
постучитесь в любой дом.

И нет человека в Каспи, который бы
не знал дом Анбар-аны Саттаровой. В
большом дворе под аккуратным навесом

виноградника за низким столиком работает мастерица игрушки — Анбар-апа. Родилась она в начале века. В ее семье гончарами были и прадед, и дед, и отец. Гончаром стала и она.

Рассматривая изящные изделия — кувшины, тандыры, посуду и игрушки, невольно задумываешься о неугасающей энергии человека, о его интересе к жизни и могучих силах творчества и фантазии.

Руки Анбар-апы похожи на руки хирурга перед сложной операцией. В них заключено все: талант, жизнь, время.

Вот бесформенный кусочек глины превратился в диковинного петуха, забавного верблюжонка, хитрого ослика, фантастическую лошадь с колесами вместо ног.

Вместе с тандырами — печами для изготовления лепешек и домашней посудой делали и делают люди игрушки-свистульки, которые радуют не только детей, но и продолжают удивлять взрослых. В этих краях природа отвела весне короткое время. Весна приносила зелень на прогретые солнцем лужайки, весенний праздник Навруз, который так ждали дети и взрослые. Какой же праздник без игрушки! Во всей округе у детишек были в руках изделия Анбар-апы — свистульки, дудки, погремушки. И все гудело, трещало и свистело в праздничный весенний день. И считали люди, что этот гомон принесет сюда ветер и тучи, и пойдет дождь, и будет богатый урожай. Но под палящими лучами солнца быстро тускнели все краски, кроме одной, серо-желтой, символизирующей жажду.

Жители Каспи стремились украсить свои игрушки веселыми красками весны. Люди приобретали для своего дома тапдыр и игрушки с доброй надеждой, что родится у них сын, и каждое утро перед восходом солнца мать будет для него печь чудесные лепешки. Вырастет сын смелым и добрым, полетит он на лихом коне в далекие края, где много озер и рек, где рождается вода.

Мечта эта сбылась: сегодня не нужно лететь в далекие края — в пустыню пришла вода и преобразила этот край.

Забыты старые обряды, но живет забавная красочная глиняная игрушка-свистулька, радуя малышей, живет весенний праздник Навруз, и Анбар-апа продолжает делать свои удивительные, сказочные изделия.

Не сосчитать, сколько сделано ее руками посуды, игрушек, которые красуются в домах ее односельчан, да и в других местах, где есть поклонники мастеров селения Каспи.

Анбар-апа не знает, сколько стоит ее игрушка на базаре. Самая главная награда для нее — радость детей, улыбки взрослых и почтение односельчан.

Глина не такой уж стойкий материал, да еще в руках детишек. Пусть бьют. Важно, чтобы игрушка оставила свой яркий, добрый след. Прекрасен человек, пока есть в жизни стремление приносить людям радость — даже из обычной глины сотворить праздник.

ЦВЕТЕНИЕ ГРАНАТА

Долгожданная поездка в Самарканд к народным мастерам творческого объединения. Вот мы на месте. Вокруг мастерских расположено кладбище. А напротив — обыкновенная городская свалка мусора. Нас поразило, что мастера, работая в таких условиях, создают уникальные вещи, получившие мировую известность. Встречали два пожилых мастера. Мы, оглядываясь по сторонам, вновь обратили внимание на большую свалку. И каково было удивление: среди хлама — цветущее дерево. Оно было алого цвета. Это казалось чудом из чудес.

Оставив своих спутников, я двинулся к цветущему дереву. Шел, не глядя, не обращая внимания на груды хлама. Подойдя ближе, я увидел, что дерево было небольшой высоты, ниже человеческого роста, но цвело оно удивительно. Алые цветы напоминали горение факела, который освещает местность. Они будоражили сердце, душу. Но самое интересное, что корни дерева уходили в выжженную огнем глину разрушенного старого тандыра, который был приподнят кирпичной клад-

кой над землей. Когда-то здесь пекли лепешки, теперь проросло дерево...

Как могло на выжженной огнем глине вырасти такое красивое дерево? Я стоял и с удивлением рассматривал его то справа, то слева. Но чем выше поднималось солнце, тем быстрее цветы закрывались и прятались за зеленые листья. Это, как позже я узнал, цвел гранат.

И я подумал, а ведь и в жизни так бывает: чем некрасивее корень, тем прекраснее и слаще плод. Чем труднее бывает путнику, тем счастливее, слаще конец его путешествия.

Уезжали мы с надеждой, что придет время и вместо старых мастерских будут построены удобные производственные корпуса. Беспокоило одно — зацветет ли яркими цветами гранат, и главное — сохранятся ли традиции, искусство народных мастеров, кудесников, сотворяющих своими умелыми руками чудеса, которые украшают лучшие музеи мира?

Уезжали мы из Самарканда с какими-то новыми чувствами, мыслями и надеждами, что не оскудеют руки умельцев. Уверенность этому придавало увиденное нами яркое цветение граната...

БУХАРСКИЕ МОТИВЫ

Бухару издавна называют городом мастеров. Как и прежде, каждое утро с восходом солнца на торговых площадях открываются мастерские и лавки. Просыпается город. Где-то раздаются тихие удары молоточков: тук, тук. Где-то — скрипы гончарных кругов: шир, шир, шир. Кажется, город проснулся от мелодии, которую играет слаженный оркестр, состоящий из различных музыкальных инструментов.

Над городом, в прозрачной глубине неба, делая круги, низко летает белый аист. На открытой веранде чайханы шумно беседуют белобородые старики, показывая руками на большой хауз. Пять высоких вековых чинар, как пять братьев, крепко обхватив друг друга зелеными кронами, обрамляют хауз. На среднюю, белоствольную, с блеском серебра под лучами солнца чинару, сделав несколько кругов приветствия, в свое гнездо садится аист. В гнезде он совершает своеобразные движения, подобные восточному танцу, хлопает крыльями, как бы обращаясь к спорящим старикам:

— Не спорьте! Не спорьте!

На что старики отвечают, улыбаясь, низким поклоном.

В воздухе витают запахи различных приправ от готовящихся ароматных восточных блюд.

Рядом на постаменте веселый и неунывающий Насреддин, прищурив правый глаз, сидит на своем упрямом ослике.

Бухара... Памятники истории, высокие конусообразные купола. Изящная чеканка по меди, виртуозная резьба по ганчу и дереву. Самобытная посуда и... разнообразные игрушки.

На обыкновенную ветку плакучей ивы, согнув ее в полукруг, мастер натянул тетиву. Ребенку подарен лук со стрелой, и счастьем его нет предела.

Мастера радуется это небольшое мгновение жизни. А сколько их у него. На полках уютной мастерской, как в музее, вызывая у каждого добрую улыбку, выставлены красочные игрушки. Для девочек деревянные бешки — качалки, красочные шкатулки; для мальчиков — тележки, различных размеров ходули.

При продаже сундуков, расписных столиков, бешиков для новорожденных мастер не предлагает игрушку, ее и так возьмут.

На базарной площади многолюдно. Для покупателей выставлены, как на весенней ярмарке, различные предметы и изделия. Здесь и ковры ручной выделки, самовары, гончарная посуда и, конечно же, игрушки.

Они ненавязчиво присутствуют везде, то тут, то там, детские металлические свис-

тульки, звенящие тарелки, изящные совочки, ведерки, деревянные кони на колесиках, разнообразные шкатулки, гончарные каталки, верблюжата, птицы, тряпичные куклы, мячи...

По узким прохладным переулкам возвращаются с покупками горожане, к которым из-за глиняных дувалов низко свисают кроны плодовых деревьев. Слышится смех детворы. Играют дети игрушками народных мастеров из кишлака Уба.

Уба — небольшой бухарский поселок. Здесь в каждом доме делают игрушки. А вокруг — запах миндаля, светящиеся капельки росы в зелени травы и сияющие лица детей.

Красивые старики и старушки, с которыми трудно расставаться — сколько у них историй, одна другой лучше.

Здесь на большой чинаре анст тоже свил гнездо. И люди рады птице, как и своей волшебной глине, из которой сделано немало красивого.

Простая глина — это еще не все. Вот пришли в движение руки человека, и ожила она. Теперь в ней отблески красавицы луны, граната яркий цвет. Кажется, игрушек чересчур много: они в каждом доме. О каждой можно многое сказать. Игрушки живут сами собой.

— Откуда же они? Из сказки?

— Нет! Из печи! Где пекут чудесные лепешки,— объясняют дети. И хором просят:— Пожалуйста, в наш дом войдите, наш цветущий сад осмотрите, где сегодня

рано утром расцвел гранат небывалой красоты.

— Войдите, испейте глоток воды из родника, хранилища прозрачной влаги жизни...

Уходит с неба солнце спать до утра.
Витают вокруг дутара нежные звуки и вечерние напевы матерей:

— Алей-балям, алей...

До новой встречи, Бухара!

КРАСОТА ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Их путь от Карши до Бухары на старом газике был безрадостным. Ехали ночью, так как днем температура воздуха была выше сорока градусов. Машина принадлежала Каршинской экспедиции и повидала на своем веку немало. В ней были выбиты боковые стекла, задние сиденья были изуродованы, брезент на крыше рваный.

В Средней Азии дневную жару сменяет ночная прохлада, поэтому спутники невыносимо мерзли, ерзали на сиденье, стараясь усесться поудобнее. В машине ехали четверо. Водитель Батыр, молодой парень лет тридцати, выросший в этих краях и хорошо знающий местность; малоразговорчивый, но с красивой улыбкой Саид, лет тридцати пяти, не имеющий никакого отношения к искусствоведческой работе, но жаждавший увидеть красоту земли и уговоривший нас, двух пожилых людей, перелететь самолетом расстояние от Ташкента до Карши и прокатиться на попутных машинах от Карши до Бухары, от Бухары до Самарканда, а там, если удастся, из Самарканда до Ташкента.

Два немолодых путника всю дорогу ворчали. Вначале — на Саида, а потом, наверное, поняв, что это бесполезно, ворчали на себя.

— И какой черт сбил нас с толку?— ругался Сергей Петрович, человек пенсионного возраста, профессиональный фотокорреспондент, вчера утром вернувшийся из Франции, а вечером севший в самолет и прилетевший в Каршинскую степь. Теперь он маялся на заднем сиденье, проклинал себя на чем свет стоит и, обращаясь к Рустаму Ибрагимовичу, говорил:

— Ты подумай только, еще вчера был в Париже, а сегодня, с моим-то давлением, оказался в безводной пустыне...

Рустам Ибрагимович на это ничего не ответил. Он немного похрапывал, дремля. Ему было под шестьдесят, и Саид сам до сих пор удивлялся, как он смог убедить его, главного редактора известного издательства, поехать в столь утомительное путешествие. Ведь он в течение полувека никуда не выезжал из своего города.

— Кажется, рассветает,— тихо сказал Батыр.

Справа медленно поднималось солнце, разгоняя ночной мрак, и проступали нетленные краски земли: ровно бегущие вдаль посевы хлопчатника, блеск журчащей воды в подвесных лотках, аккуратно расчесанные, низко опущенные ветви плакучей ивы.

Впереди появилось небольшое селение, теперь до Бухары рукой подать.

— Послушай,— обратился к водителю Саид,— давай остановимся. Зайдем в это селение. Смотри, какое оно красивое. Угостим наших стариков парным молоком с горячими лепешками.

Водитель весело засмеялся, свернул на обочину и остановил машину. Старики ничего не говорили, хотя на востоке обычно они дают молодым мудрые, нужные советы.

Они медленно выбрались из машины и присели прямо тут же, на шоссе. Напротив, на небольшой возвышенности, женщина вынимала из тандыра горячие лепешки и сбрызгивала их молоком.

— Мать честная! Красотища-то какая!— воскликнул Сергей Петрович.

От тандыра шел удивительный по щедрости запах, который живет в нас с детства,— запах душистого хлеба.

Солнце поднималось над землей все выше, и яркие лучи его пробивались сквозь густорастущие стебли подсолнечника.

Возле тандыра искрилось залитое водой, недавно скошенное поле. Из дома вышел мальчик в белой рубашонке и почему-то неожиданно побежал навстречу солнцу. И когда он бежал, раскинув руки, крича: «Здравствуй, солнце! Здравствуй, это я, твой сын — человек!», казалось, из-под ног мальчика в небо взлетали блестящие капли, осыпали лицо его и плечи серебром, а он смеялся все громче и громче.

Мать у тандыра плавным движением руки поправила косынку на голове и вынула очередную лепешку, не теряя из вида сына.

Мальчуган поскользнулся и упал. Но мать не бросила свою работу, не кинулась поднимать сына. Она лишь крикнула ему ласково:

— Ну что, родной, вставай, ты же сын земли! Беги навстречу солнцу!

Все вокруг плыло в бело-бирюзовом мареве, струилось, дышало, жило.

— Рустам Ибрагимович! Где твой фотоаппарат?— воскликнул Сергей Петрович.

— Поздно,— сказал Саид.— Идемте завтракать.

— О чем он говорит? Вокруг такое происходит!— возмутился Сергей Петрович.

— Это уже нельзя отснять на фото пленку. Смотрите!— воскликнул Саид.

Солнце поднялось еще выше, и живший и дышавший до того бледно-розовый туман расстаял.

— Что это такое, Сергей Петрович?! Сон!?!— размахивая руками, возбужденно говорил Рустам Ибрагимович.— А все ты, Саид. Молодец! Уговорил меня поехать с тобой. За всю свою жизнь я не видел таких чудес. Расскажу жене, детям, друзьям — не поверят. Ведь не поверят же, а, Сергей Петрович?!

— Ты прав, Рустам Ибрагимович. Конечно, прав! Такого даже в Париже не

увидишь. Ради всего этого, что я увидел сегодня, стоило ехать,— радуясь, как ребенок, утру и солнцу, говорил Сергей Петрович.

Через полчаса они сидели за дастарханом и с наслаждением ели горячие, только что вынутые из тандыра лепешки, запивая ароматным чаем...

А впереди их ждала дорога и новые встречи и истории.

ЛУЧШЕ БЫ ОНА УМЕРЛА

...Мальчик и девочка сидели рядом за школьной партой.

— Ты сегодня плакала у школы?— спросил мальчик.

— Я не плакала,— ответила девочка.

— Нет, плакала, я видел,— возразил мальчик.— Хочешь, я его побью?

— Кого?— удивилась девочка.

— Того высокого мужчину, который каждое утро дарит нашей учительнице цветы,— с волнением сказал мальчик.

— Не смей его трогать! Это мой папа,— ответила девочка.

— А почему он не дарит цветы твоей маме?— удивленно спросил мальчик.

— Мы с папой живем без мамы, она давно ушла к другому,— глядя в окно, грустно ответила девочка.

— А тогда почему же ты плачешь? Все в порядке,— удивленно сказал мальчик.

— Я бы совсем не плакала и, возможно, была бы рада, если бы она умерла,— ответила девочка.

Мальчик смотрел на девочку и молчал...

САД НАД ГОЛОВОЙ

Это произошло (или могло произойти) не в Венеции, не в Испании. Это происходило рядом с вами, в вашем родном городе.

Ему было лет сорок. Желтое, задубевшее на солнце лицо его было покрыто глубокими морщинами и шрамами. Он, как обычно, с восходом солнца стоял на бирже труда, терпеливо ожидая очередного заказчика.

«Жаль,— подумал он.— Нет моего старого друга. Рано я его схоронил. Плохо мне без него. Вдвоем было бы куда легче. Такая уж наша участь,— думал он.— Всегда приходится начинать работу в жаркий полдень. Пока пригласят, пока договоришься, пока доберешься — так и проходит самое лучшее для работы время. «Хорошо,— говорил друг,— когда можно начать и закончить работу до восхода солнца, а потом неплохо искупаться в каком-нибудь хорошем хаузе, заказать после купания чайханщику чайник ароматного чая с горячей лепешкой и проваляться остальную часть дня в тени и прохладе».

Так вспоминал он умершего товарища, пока к нему не подошел заказчик,— пригласил копать колодец. Быстро сговорились о цене и через полчаса были уже на месте. Его поразил сад, в который он пришел: красивая аллея, приподнятый, аккуратно прибранный виноградник и бесконечное множество роз.

Его пригласили к столу, подали полкасы шурпы с горячей лепешкой. Это было обычным явлением. На востоке, перед тем как работник приступает к работе, его обязательно приглашают к дастархану.

Солнце уже было в зените, когда он неторопливо поднял кетмень над головой. Никогда прежде ему не приходилось работать в таком ухоженном саду.

Он не помнил, сколько колодцев в своей жизни ему пришлось выкопать. И копать их всегда было нелегко. А сегодня ему казалось, что земля под ним сама проваливается, колодец углублялся с каждой минутой.

— Стой,— сказал он вдруг сам себе.— Не торопись. Землю не обманешь.

Он закурил, присев на корточки, и, закрыв глаза, задумался о жизни. Вспомнил все, что у него было... И слова друга, который говорил, что как бы ему хотелось, чтобы его похоронили в месте, где б над его головой рос сад, прекрасный сад.

Он поднял голову и открыл глаза: над ним висел кольцом голубой кусочек неба, в котором медленно проплывало белое облачко. Ему хотелось крикнуть: «Эй, кто там наверху? Вы знаете, что я здесь?» Но

мысль о том, что над его головой шумит сад, в котором играют дети, остановила его.

Сидя на корточках, он еще раз осмотрел свою работу снизу доверху. Докурил сигарету до конца, резко поднялся, схватил кетмень и, найдя точку опоры, одним ударом обрушил весь колодец на себя.

Сначала на него посыпалась мягкая теплая глина, которая становилась все тяжелее и тяжелее. Он закрыл глаза, и мысли его смешались...

«Все кончилось. Но люди выкопают меня и похоронят на бросовом кладбище, где лежит и мой друг. И правильно сделают... Что я совершил в этой жизни, чтобы лежать здесь, чтобы надо мной рос цветущий сад, цвели розы? Копал колодцы и нужен был людям до тех пор, пока не находил воду... Пока не находил... Пока...»

Небо было ясным и чистым. Далеко на горизонте раскаленным металлическим диском падало за кромку гор солнце...

ШАХ И КАМЕНЬ

У небольшого озера лежал огромный камень. В народе его называли камень-богатырь. Около камня, у озера, по утрам собирались старики, в жаркий полдень там загорали дети, а после захода солнца к нему спешили влюбленные. И все были довольны...

Но вот однажды приехал на озеро шах. Чтобы добраться до воды, он вынужден был обойти большой камень.

— Что за глупость, — возмущился шах, — этот камень закрывает солнце, поэтому вода в озере холодная. Надо его немедленно убрать!

— Его нельзя убирать, — взмолились сопровождавшие шаха. — Этот камень украшает местность. И люди этого селения гордятся им.

— Нет, — сказал шах. — Этот камень не должен возвышаться над озером, он должен быть в озере.

Деваться было некуда. Опрокинули камень, и он, медленно уходя в озеро, выплеснул из него всю воду. Теперь озера нет, оно высохло. Но в народе до сих пор помнить камень-богатырь, так как эту исто-

рию рассказывают из поколения в поколение. Она как предупреждение тем, кто не ценит красоту в природе, не ценит того, что радует жизнь людей, делает их счастливыми и добрыми.

ВОДОНОС

В воскресный день на базарной площади, как обычно, многолюдно.

По площади с двумя большими авоськами, в поисках воды, чтобы утолить жажду, шла девушка. Жажда всегда отнимает силы у человека. И девушка, чтобы передохнуть, присела на освободившееся место на одной из скамеек на площади. Вдруг она услышала звонкий голос, доносившийся из людского потока,двигающегося по площади:

— Вода, вода, родниковая вода! Подходи, подходи, для каждого найдется полная пиала.

Подняв свои авоськи, девушка влилась в людской поток и оказалась перед водоносом.

Перед ней стоял обыкновенный, с доброй улыбкой на лице человек, который глубокой пиалкой черпал искрящуюся на солнце живительную влагу из большого кувшина и угощал прохожих, приговаривая:

— Пей на здоровье, дорогой. Если ты познал, что такое жажда, то вода из добрых рук человека, эта пиала доставит тебе

истинное удовольствие и понимание жизни.

Увидев девушку с двумя авоськами, он улыбнулся и, покачав головой, сказал:

— Ай, ай, ай, дорогая! Какой бесвестный осел так нагрузить тебя посмел? Бросай свои авоськи. Держи голубую пиалу. Пей на здоровье!

Девушка, опустив авоськи на землю, взяла пиалу и поднесла ее к губам.

— Ах,— воскликнул опять водонос.— Какая красота эта красавица! Как маленький джейран воду пьет.

От такой шутки девушка чуть было из рук не выронила пиалу. Засмутившись, она стала искать в своем кошельке монету, чтобы рассчитаться.

— Что ты делаешь, милая?— остановил ее водонос.— Ты ошибаешься, если ты так думаешь. Воду я бесплатно всем раздаю.

— Как бесплатно?— с удивлением спросила девушка.— Бесплатно? Правда, бесплатно,— повторила она.

— Бесплатно, бесплатно, как греет и светит наше доброе солнце, которому мы рады и говорим: «Катта рахмат». Не отставай от дороги,— весело продолжал шутить водонос.

— А ты не сумасшедший?— не унималась девушка.

— Я вроде бы не сумасшедший,— шутил водонос, раздавая воду прохожим.

— Ты еще бы сказал, что каждое воскресное утро за одно слово «рахмат» на эту площадь с далекого колодца воду носишь.

— Почему бы и нет, милая.

— Доброе слово и кошке приятно?

— А ты попробуй свое дело сделать так, чтобы тебе «рахмат» сказали. Поэтому извини, мне некогда. Подходи, свежая вода, родниковая вода!— продолжал покрикивать водонос.

Девушка, подняв свои авоськи, исчезла в толпе, повторяя про себя: «Странный человек. Доброе слово и кошке приятно...»

Уж так случилось, что в следующее воскресенье девушка вновь оказалась на базарной площади и в надежде утолить жажду вновь повстречала водоноса.

— Подходи, красавица! Лучшая пиала твоя. Пей и радуйся. Жизнь прекрасна, бесконечна, как наше солнце.

Отпив холодной влаги, девушка взмолилась:

— Водонос, быть может, болен ты? Чтобы просто так вот, бесплатно по воскресеньям из далекого колодца носить тяжелые кувшины с водой... Мне не понять этого.

— Отчего же не понять?— с удивлением спросил водонос.— Ты видишь, я беру из кувшина одну пиалу холодной воды и подаю прохожему. А он мне говорит «спасибо»—«рахмат» за доброе дело. Пусть твои руки и горя не знают. Доброе слово и кошке приятно. Не отставай от дороги...

— Надо быть глупым человеком,— не унижалась девушка,— чтобы за два добрых слова тащить на эту площадь из далекого колодца тяжелые кувшины с водой.

— Ты не права, сестричка,— сказал

ласково водонос.— Здесь, милая, другое. Поверь, совсем другое. Здесь я чувствую себя нужным для людей человеком, полезным человеком. Благодаря этому чувству я живу на земле. Если оно умрет во мне, то умру и я.

— При чем здесь вода и какое-то чувство? Ты просто любишь, чтобы тебя при народе хвалили, вот и все.

Водонос, взяв пиалу, грустно сказал:

— Красавица, ты утолила жажду и ничего не поняла. И мне жаль, очень жаль тебя,— ты не знаешь, что такое человеческая доброта, и не знаешь, на что ты способна.

«Доброе слово и кошке приятно»...

Она шла по многолюдной базарной площади, где громко продолжал кричать водонос: «Подходи! Вода родниковая, холодная вода!..»

Быть может, на этом и закончилась бы эта небольшая история, если бы девушке вскоре не предстояло сыграть свадьбу.

В воскресный день все ее родственники отправились покупать ей свадебные подарки. И возвращаясь с покупками, вышли на базарную площадь. Девушке захотелось утолить жажду. Но нигде не было слышно веселого голоса водоноса. Девушка спросила у прохожих:

— Скажите, вы не видели на площади водоноса?

— Доченька,— сказал один из старых прохожих,— вон там у дерева на прошлой неделе установили два мраморных питье-

ых фонтанчика. Пей на здоровье, сколько хочешь.

Девушка подошла к фонтанчикам, встала в длинную очередь и когда она наклонила голову, чтобы напиться, вдруг вслух сказала:

— Доброе слово и кошке приятно,— и горько заплакала.

— Что случилось?— удивленно спрашивали люди.

— Водонос умер!— крикнула она.— Умер водонос!

Толпа расступилась.

Со слезами на глазах она бежала по площади и кричала:

— Люди, умер водонос! Доброе слово и кошке приятно...

Если вы случайно окажетесь на той базарной площади и встретите седую женщину, которая ходит по площади и вслух повторяет: «Водонос умер. А доброе слово и кошке приятно. Доброе слово и кошке приятно», то знайте: это она.

Ничего не говорите в ответ, а просто кивните головой, словно соглашаетесь с этим. Хотя не согласиться с ней нельзя...

Доброе слово и кошке приятно...

ЗДРАВСТВУИ, ЯСНОЕ СОЛНЫШКО

Утром на остановке троллейбуса многолюдно. Привычный восьмой маршрут. В троллейбус в утренние часы, как обычно, трудно сесть. Он сумел-таки зацепиться и пробраться в середину салона. Крепко ухватившись за поручень, чтобы не упасть от напора пассажиров, он увидел сидящую напротив девушку лет двадцати.

С правой стороны в больших окнах троллейбуса было видно, как поднимается солнце.

Девушка сидела, закрыв глаза, словно подставив свое лицо в веснушках ярким лучам восходящего солнца. И чем дальше уходил троллейбус, тем ярче загорались веснушки на лице девушки, делая его привлекательнее и красивее.

Рядом стояла старушка, которая одной рукой еще доставала до поручня. Девушка, открыв глаза, сразу заметила старушку.

— Бабушка, пожалуйста, проходите сюда,— вставая со своего места, смущенно сказала девушка.

— Спасибо тебе, ясное солнышко,— садясь поудобнее, ласково ответила старушка.

И от этих слов у девушки на лице все веснушки одновременно вспыхнули ярким пламенем.

А молодому человеку показалось, что солнце светило не где-то там за окном, а здесь, рядом с ним, в троллейбусе.

Троллейбус неожиданно остановился, и девушка стала пробираться к выходу. От вновь вошедших пассажиров стало еще теснее. Ему захотелось повернуться, вырваться из этого ада, чтобы еще хоть разочек увидеть это ясное, как солнышко, лицо девушки. Но было уже поздно: она вышла.

Прошло немало лет, но каждое утро, садясь в троллейбус, он оглядывается по сторонам. Ему кажется, что где-то рядом светит это необыкновенное и незабываемое ясное солнышко.

А троллейбус, как обычно, закрывает двери и катит дальше по своему привычному маршруту...

ЗАВЕЩАНИЕ

Зрительный зал был наполнен наполовину. Шел фильм средний, который можно было и не смотреть. Ему было за сорок, но седина на висках, морщины на лице говорили, что ему за пятьдесят. В кино он ходил редко, так как не расставался с мольбертом, который носил с собой повсюду. Объездив всю страну, сменив не одну профессию, он чувствовал, что в нем растет мастер, художник. И его мечтой в жизни стала мастерская. Обыкновенная мастерская, где можно было бы посидеть, подумать, да и вообще поговорить с самим собой об увиденном, прочитанном, вспомнить мгновения боли. Он не был женат. Любил ли он когда-нибудь? Возможно, и любил, тогда, в далеком детстве, когда его перевели в детский дом. Послевоенный детский дом подарил ему лучшее время жизни, где он познал дружбу, братство. Этот небольшой детский дом был маленьким островком в целом мире. Ибо многое, самое сокровенное, важное, истинное, тогда оказалось совсем не похожим на то, что пришлось ему испытать в дальнейшей жизни.

А свой характер он переделать так и не смог. Он так сложился, вернее, его так сложили. И этому он был верен, и даже рад, ибо он не мог лгать, где можно было солгать, и не мог молчать, когда так поступали другие. Так его бросала судьба от одного дела к другому, из одного города в другой. И уже в последние годы его потянуло в родные места. Устроился он на завод по выпуску керамической посуды. Дали койку в старом одноэтажном общежитии. После смены он часто ходил по городу, вспоминал о своем детстве...

Фильм был двухсерийный и рассказывал об одиноком рыбаке, который разговаривал с морем и с летом. Из зала один за другим стали уходить зрители. Сидя в зале, он почувствовал, что плохо видит экран. На какое-то мгновение он закрыл глаза, а потом, открыв, почувствовал, что видит еще хуже. «Что все это значит?» — подумал он, почувствовав острую боль в глазах. Не досмотрев фильм, он вышел из кинотеатра, который находился рядом с городским стадионом. В этот день был футбольный матч и троллейбусы, и трамваи шли полупустые.

В трамвае, сев на сиденье, он стал платком вытирать глаза, которые слизились.

— Да вы не трите их так, — командирским голосом сказала сидевшая рядом женщина.

Он, глянув на нее, улыбнулся.

— Ну-ка, повернитесь, откройте глаза пошире, — громкоголосо продолжала соседка.

— У меня до этого никогда не болели глаза. А вот сегодня вдруг заболели,— негромким голосом произнес он.

Женщина, продолжая его рассматривать, заметно оживилась, завязался разговор... Он, смущаясь, отвечал на ее вопросы, затем, закрыв глаза, слегка раздраженно пробормотал:

— Вы уж извините меня, пожалуйста, но я думаю, что завтра к утру у меня это пройдет.

— Что вы, не стоит извиняться,— спокойно ответила женщина.— У вас отвратительно плохое положение, что просто беда.— И, открыв сумочку, подала ему визитку.— Если будет хуже, то сегодня можете приехать ко мне в больницу. Я вступаю сегодня в 20.00 на дежурство.— И, помолчав секунду, она добавила:— Мне кажется, вы будете вынуждены уже сегодня обратиться ко мне в больницу.

На следующей остановке она, попрощавшись, вышла.

К вечеру ему стало хуже, и он перестал видеть совсем. Друзья из общежития, вызвав такси, привезли его поздно ночью в больницу. На следующий день ему сделали операцию обоих глаз. Через несколько дней, после того как сняли повязки, он сидел напротив нее. Негромкий диалог продолжался недолго. И уходя из кабинета, он подумал: неужели по его глазам она так легко определила, какими болезнями он страдал и страдает... И почему он сказал ей о том, что он художник и всю жизнь мечтает о мастерской?..

Через неделю, когда его готовили к выписке, ему передали конверт с письмом. Это было завещание. «Дом по ул. Безымянной, 7, с мастерской, со страховкой на вполне приличную сумму передается в наследство... художнику...»— с изумлением прочитал он свою фамилию.

— Что все это значит?— спросил он с волнением.

— Это завещание нашего главврача. Они с мужем, художником, вместе в один день ушли на фронт. Она вернулась и ждала его все эти годы. Так и не дождалась. И два дня тому назад она ушла из жизни,— глухо ответил врач, принесший письмо.— Инфаркт...

— О каком наследстве может идти речь? Скажите, разве у нее нет родственников? И кто я ей? И потом... Нет, нет! Это полная чушь,— бормотал он. Доброе выражение на лице сменилось волнением и тревогой.

— Это последняя воля человека, которую вы не можете не исполнить,— сказал врач и вышел.

Выписавшись из больницы, через несколько дней он переехал на новое место жительства.

«Почему она, ни разу толком не поговорив со мной, поверила, что я художник? Почему эта незнакомая женщина, вернувшая мне зрение, посчитала меня ближе, чем своих родственников?» Он не раз потом спрашивал себя об этом и не находил ответа.

Первую картину, написанную в новой

мастерской, он посвятил ей. И она потом выставлялась на многих выставках. Гонорары, которые он получал за картины, перечислял в городской детский дом, где провел свое детство. Через год в мастерской открылась бесплатная художественная школа для детей. Он продолжает очень много работать, словно боится не успеть выполнить все, что он должен сделать. Словно это было записано между строк в ее завещании.

Мне как-то пришлось присутствовать на его уроках. Я был счастлив, что мне удалось побывать в этом удивительном саду творчества и вдохновения.

«НУЖНО ТОЛЬКО ВЗЯТЬ И ПОЗВОНИТЬ...»

Утро было дождливым и холодным. Она была в растерянности и не знала, что делать, к кому обратиться за помощью. Дочка еще крепко спала, и ей не хотелось будить ее. Она подошла к зеркалу и, увидев в нем свое отражение, вновь расплакалась. Сев на стул, она открыла тумбочку, вытащила все содержимое и нашла телефонный справочник, из которого выпала визитная карточка. Подняв карточку, она задумалась, прошлась по комнате и остановилась у окна. С восьмого этажа хорошо были видны большие улицы, переулки любимого города, в котором она жила. Она еще раз прочитала визитку и вздохнула. Вышла в коридор, где на низкой тумбочке стоял телефон, набрала незнакомый номер, и какое-то волнение охватило ее; она вспомнила его слова: «Вам только нужно взять и позвонить».

В телефонной трубке раздались долгие гудки, а затем голос произнес: «Да, я слушаю вас».

— Мне нужен...

— Вы знаете, но он у нас сейчас не работает, к сожалению. Его перевели на

другое предприятие. У вас что-то случилось? Если хотите, я поищу его телефон. Вы могли бы позвонить минут через 10?

Она с напряженным волнением слушала незнакомый голос и не знала, что ответить.

— Алло, у вас что-то случилось?— настойчиво допытывалась женщина на другом конце провода.

— У меня умерла мама, и я не знаю, что мне делать...— расплакавшись, ответила она.

После недолгого молчания в трубке вновь послышался женский голос:

— Ваш телефон, пожалуйста?

Она не сразу поняла:

— Мой?— и машинально назвала номер.

— Хорошо, вы никуда не отлучайтесь. Я позвоню сама.

В трубке слышались длинные гудки, и ей показалось, кто-то о ней подумал, кто-то ей посочувствовал, и кто-то обязательно поможет. И снова сказанные им когда-то слова «Вам только нужно позвонить» закрутились в ее голове. Она подошла к окну, открыла ставню и, ощутив холодный ветер и осенний дождь, сразу захлопнула ее. Она стояла, рассматривая улицу и быстро движущиеся по ней машины, людей, и повторяла вслух: «Вам нужно только позвонить». И как бы сама себя спросила: «И почему я ему раньше ни разу не позвонила?»

Зазвонил телефон. Она вновь услышала ласковый женский голос:

— Я вас прошу никуда не отлучаться, к вам сейчас подъедут. К сожалению, он находится в Москве. Номер в гостинице не отвечает. Поэтому я попросила его друзей помочь вам...

В этот день она так и не вникла во все происходящее. Совершенно чужие ей люди были как родные, словно давно жили в ее квартире, словно она знала их с детства. И только на кладбище она, обессиленная, все же нашла в себе силы подойти к каждому и выразить свою благодарность.

Он вернулся через два дня и поехал вместе с ней на кладбище. И она долго разглядывала его, заметив усталость в его глазах.

— Большое спасибо вам,— после долгой паузы сказала она.— У вас очень хорошие друзья. Я даже не знаю, как с ними расплатиться.

Он тихо произнес:

— О чем вы говорите, милая? Когда человек в беде, кто-то должен же быть рядом, иначе мы просто не были бы людьми.

Она стояла и думала, что это какая-то сказка, обыкновенная детская сказка, когда происходит чудо, когда вслед за злом всегда приходит добро. Она стояла и думала, вспоминая тот день, когда впервые увидела этого странного, непонятного и в то же время почему-то такого близкого, родного ей человека. И он тоже стоял и вспоминал...

В тот злополучный день он возвращался с неприятного совещания, где ему

влепили выговор за нелепый случай, происшедший еще до его избрания директором. Его волновало не то, что ему вкатали выговор, а коробило от того, как с ним разговаривали. И самое главное, что он не мог, в силу своего характера, возразить, протестовать... Он принял все, как обычно, молча. Машина остановилась у переезда. Справа шли груженые лесом вагоны. Он глянул вперед и вдруг, выскочив из машины, рванулся к переезду. Он успел резко толкнуть девушку с рельсов и оттолкнуться сам. Лежал он с мыслью, что ему перерезало ноги, ибо почувствовал боль в теле. Девушка быстро пришла в себя и, вскочив на ноги, хотела бежать куда глаза глядят, но ее держали крепкие руки возмущенных мужчин, выскочивших из машин у переезда.

Он сумел подняться сам. Прихрамывая на правую ногу, сделал несколько шагов, обратился к окружающим:

— Товарищи, расходитесь, ничего страшного не произошло,— и, посмотрев на нее, улыбнулся. Чтобы подбодрить девушку, спросил: — Я тебя не ушиб, чокнутая?

Поезд прошел, и шлагбаум поднял свой хобот над переездом. Подъехала машина, и он прикрикнул:

— Ну-ка, садись, ненормальная, отвезу тебя куда следует.— В машине он обернулся к ней.— Что у тебя случилось, дорогая? Извини, если я тебя обидел.— Она молчала.— Что бы ни случилось, надо жить, а не бросаться под поезд. Если даже

кто-то солгал, предал, это вовсе не означает, что жизнь кончилась...

И тогда она стала рассказывать, потому что вдруг почувствовала: человеку, который ехал с ней, не безразлична ее судьба. Он не упрекнул ее ничем. Его не удивляла ее откровенность и то страшное ощущение, во власти которого она пребывала, он знал наперед.

— Ничего, у тебя все будет хорошо,— сказал он.— Может, даже хорошо, что он уехал. Зачем тебе с дураком, негодяем жить? Вот станешь матерью, тогда поймешь. Если будет дочь — назови Надя. Надежда, мне кажется, хорошее имя.

Она хотела сказать ему, что ее маму зовут Надеждой, но промолчала. Он как будто догадался, что она думает о матери.

— Что, живешь одна с матерью?

Она, заикаясь, еле выговорила:

— Да.

— Вот за это тебя отшлепать надо. Дуреха, а если бы погибла под поездом, матери-то каково?— и покачал головой.— Где живешь-то, а то мы едем неизвестно куда.

— А мне показалось, что вы это знаете,— ответила она.

— Ничего, милая, не знаю, я только учусь, учусь и как вол работаю. Так где же ты живешь?

— Еще один переулочек надо проехать, и я на мосту сойду. Вот наш дом у моста.

Когда машина остановилась, он вышел, открыл заднюю дверцу и ободряюще произнес:

— Пожалуйста, милая, считай, что это произошло у тебя во сне. И вообще, больше таких вещей не совершай, я тебя прошу. Жизнь у человека одна, не забудь, что из-за твоей ошибки будут страдать другие. Вот, держи... Если нужна будет какая-нибудь помощь,— и подал визитную карточку.— Только нужно позвонить, и тебя в беде не оставят.— Он шагнул к машине, обернулся.— Смотри, как красиво вокруг. Люди куда-то спешат, что-то хотят сделать доброе, хорошее. Будь здорова. Передай привет маме. А о смерти и думать не смей.— И, захлопнув дверцу, отъезжая, махнул рукой.

Она долго стояла на мосту, держа в руках визитную карточку, пока вдруг не поняла, что с ней произошло. Она плакала, но какое-то внутреннее ощущение покоя уже присутствовало в ней. И она не могла понять, почему она так плачет...

Они молча постояли у могилы, положили цветы...

— Ну что, надо ехать. Кто же у тебя родился?— спросил он.

— Дочка. Как вы просили, назвала ее Надеждой.

В машине, сидя на переднем сиденье, он повернулся к ней.

— Вот видишь, как хорошо. Значит, надо жить не только во имя себя, но и во имя дочери.

Дальше ехали молча. Когда подъеха-

ли к дому, он вышел и открыл дверцу машины.

— Будь, милая, здорова. Береги себя, живи счастливо и не только для себя, но и для других. Если будет трудно, нужно только взять и позвонить... До свидания.— И он уехал.

Она вновь стояла долго, провожая уходящую вдаль машину. И у нее было желание крикнуть: «Подождите, волшебник, вы же не знаете меня, даже не знаете, как меня зовут. Кто же вы такой?» И вдруг вспомнила его слова: «Нужно только взять и позвонить».

На другое утро она позвонила. Но его не было, он уехал в командировку...

ЖЕЛТЫЙ ТРАМВАЙ

К остановке подошел трамвай. Из дверей вышел молодой человек и увидел седого старичка с букетом желтых цветов. Подтянутый, поправляя воротничок и бабочку, тот проводил взглядом уходящий вагон. Подошел следующий трамвай, но старичок и в него не сел. Тогда молодой человек обратился к нему:

— Отец, чего вы ждете? Здесь ходит один лишь пятый маршрут.

Старик улыбнулся и сказал:

— Сынок, прошел синий трамвай, а затем зеленый. Они не мои, я жду желтый.

Молодой человек недоуменно пожал плечами, дескать, не понимаю.

— Милый человек,— продолжал старик.— Видите ли, тридцать лет тому назад восемнадцатого февраля, между прочим, так же было тепло. Мы с Настенькой ехали вместе на этом трамвае и крепко поссорились. Почему, не помню, но не это главное, и запомнили, что трамвай был окрашен в желтый цвет. И вот через тридцать лет я приехал, бросив все, чтобы увидеться с ней, чтобы вернуться в этот чудный желтый трамвай.

— Зачем?— спросил молодой человек.

— Зачем?— вопросительно воскликнул старик.— Да надоело жить не любя. Жить просто так, на небо глядя. И чего-то ждать, ждать. Вот и решил вернуться к своей радости Настеньке, в юность свою.

Снова подошел трамвай.

— Ну, извольте, сударь, простить меня, это, кажется, он,— ласково сказал старик, продвигаясь к вагону.

Молодой человек улыбнулся и увидел в одном из окон трамвая старушку — седую, в светлой беретке. Он отметил, какая красивая, счастливая женская улыбка у нее. Трамвай зазвонил и отправился, стуча по рельсам, привычным маршрутом. Молодой человек остался стоять на остановке. Ему показалось, что он стал свидетелем огромного события, когда два человека долго шли друг к другу и наконец встретились.

«В жизни нет старости,— сказал он себе.— Есть вечная любовь, во имя которой люди совершают подвиги. Иногда лишь для того, чтобы просто встретиться еще раз, пусть мельком, увидеть родные глаза. И сказать: «Здравствуй! Родная, единственная, я благодарю тебя...»

Подошел трамвай, почему-то он тоже был желтого цвета... И он вдруг решил сесть в него.

Молодой человек вошел в вагон, взялся за поручни и поймал себя на мысли: «А ведь я обидел утром ее. Вновь ушел, хлопнув дверью. Надо бы вернуться домой, извиниться, обнять, как бывало прежде,

пять лет назад. Ведь я любил ее, люблю... И вообще, как глупо мы живем». Он глубоко вздохнул и смахнул ладонью холодный пот со лба.

Трамвай уходил все дальше. А он все думал и думал — о себе, о ней, о желтом трамвае и седом старичке с букетом желтых цветов...

ПРИ ВОСХОДЕ СОЛНЦА

ПОЛЕТ

„Очищение души происходит через страдания человека», — говорил Аристотель. А мне недавно показалось, что для очищения души — надо полететь. Не согласны? А вы возьмите и попробуйте, как это сделал я.

Что я сделал? Да, ничего. Взял разбежался, оторвался от земли и полетел. И вот тут-то я подумал по-настоящему о жизни. И мне стало стыдно за мои ошибки, недостатки. Поэтому я и вернулся снова на землю.

Чтобы исправиться, чтоб стать лучше, чем был я прежде. До полета. Не верите?!

СЕРДЦЕ, ПОТЕРПИ НЕМНОЖКО

Сегодня всю ночь где-то кричала иволга. Наверное, кого-то звала. Он просыпался, подходил к окну и крик прекращался. Приехав на работу, он вдруг понял, что сердце его бьется несогласно. Стучит так, словно предупреждает, что остановится. И приложив ладонь к своей груди, он попросил свое сердце: «Пожалуйста, потерпи немножко. Вот закончу, что задумал, и дам тебе отдохнуть».

Но сердце не поверило ему... Оно устало верить...

Устало ждать...

О ДУШЕ

Она считала себя самой красивой, неповторимой, как этот вечный мир. И пошла по набережной детства, вышла на мост юности.

Но пришла осень... С деревьев слетали пожелтевшие листья. Набежали тучи, и заморосил холодный дождь с порывистым ветром.

Она шла не торопясь, пока не замерзла. И вдруг, остановившись, она задумалась. И поняла, что куда-то опаздывает.

Она пошла быстрее, еще быстрее, а потом побежала. Она не знала, куда бежит и зачем. И бежала до тех пор, пока не устала. Ей хотелось кричать, вырваться из этого ада. И захотелось вернуться обратно.

Она обернулась назад и поняла, что набережная детства — смыта, мосты прожитого разрушены. Было поздно, надо было идти вперед. «Надо идти побыстрее...» — сказала она себе. Впереди на горизонте сквозь тучи упрямо пробивалось солнце.

НАДО ЖЕ...

Она проснулась рано, гораздо раньше других, раньше чем взошло солнце. И отчего-то сама себе улыбнулась.

Прошла на кухню. Поставила чайник на газовую плиту, села за стол. Вновь улыбнулась и вдруг сказала вслух:

— Надо же, дурак, чего ему захотелось.— Уронила голову на свои руки.— Надо же, чего ему захотелось,— повторила она и прослезилась, слезы покатались по ее щекам.

На газовой плите шипел, посвистывал чайник. Она продолжала сидеть за столом, опустив голову на руки.

О чем думала она, никто не знал. Бесильны были разгадать это даже лучи утреннего восходящего солнца...

ПОД КРЫЛАТОЙ ЧИНАРОЙ

Шел проливной весенний дождь, образуя маленькие ручейки, которые, вливаясь друг в друга, широким половодьем разливались по улицам.

Человек спрятался от дождя под чинарой, прислонившись спиной к зеленому стволу дерева. Подняв голову, он увидел громадную, по-весеннему зеленую крону. Она, как гигантское живое существо, поднимала и опускала крылья.

«Боже мой! Прожив почти сорок лет, я впервые вижу такую мощь. Для чего дереву такие крылья? А если бы человеку дать крылья?»

Весенний дождь прошел, засияло солнце, и на улицах стали быстро исчезать лужи. Человек стоял, прислонившись к дереву.

«Если бы у меня были крылья! — думал он. — Почему у меня не сложилась жизнь? Дважды меня судили. Двенадцать лет пустой, никчемной жизни».

По улице медленно прошла похоронная процессия. Человек под чинарой подумал: «Наверное, хороший человек, если его в последний путь провожает столько

людей... А какой я человек? Что я сделал в жизни хорошего? Что?»

Кроны деревьев от легкого дуновения ветра оживали и сбрасывали с себя оставшиеся от дождя капли. Было трудно понять, отчего у человека под чинарой стали мокрыми глаза и щеки — то ли от дождя, то ли от слез.

К вечеру кругом все заново ожило и ничего от дождя не осталось. А человек все стоял под деревом. Он стоял всю ночь, пока не взошло солнце. Тогда он поднял голову и крикнул:

— Чинара! Я еще успею, у меня есть время, быть может, его очень мало, но я успею сделать все, чтобы, как и ты, высоко в небо поднять свои крылья. Чинара! Мне очень хочется жить, любить и быть нужным и любимым, и меня поймут, простят...

Прошрое у меня — как вчерашний дождь. А сегодня сияет небо, не потому, что солнце сияет, а потому, что сияю я! Чинара! Прощай! Мне нужно дойти, добежать, успеть все, что сделал, исправить, что не сделал — сделать.

У меня будут крылья, как у тебя, Чинара!

ДВА КУВШИНА

В безводной пустыне от каравана остался человек. В течение пяти дней он пробивался через песчаные барханы, чтобы выйти к какому-то селению. К счастью — вышел.

Небольшое селение состояло из нескольких домов, окруженных низким дувалом и большими резными воротами из какого-то красивого, твердых пород дерева. Путник знал, что стоит только открыть ворота и можно попасть в рай, где обилие воды, где можно вдохнуть аромат трав. И что хозяин дома будет рад гостю, так как живущий в пустыне человек знает, как плохо человеку в песках одному.

Подойдя к селению, путник увидел, что у одних ворот стоят два кувшина.

Один, большой, в рост человека, сделан из красной глины, с вытянутой горловиной, сделанной как бы специально, чтобы из него можно было удобно напиться. Кувшин до краев был наполнен водой, и казалось, что какой-то волшебник налил сюда лучезарную, искрящуюся на солнце жидкость, которая в этих жарких краях является неослабевающей, притягательной силой.

Рядом с большим стоял невзрачный, с искривленной горловиной кувшин.

Путник, остановившись возле этих двух кувшинов, долго не раздумывая, взял маленький кувшин, поднял над собой и утолил жажду. Поставив кувшин на место и что-то тихо пробормотав, он сделал жест благодарности, низко поклонился и пошел дальше.

Вдруг из ворот вышел хозяин дома и окликнул путника.

— Эй, сынок, погоди!

— Да, я к вашим услугам,— улыбаясь, вернулся к нему путник.

— Я с тобой не согласен,— с волнением заговорил с ним хозяин.— Как это можно, когда стоит большой кувшин, и из него переливается вода, ты пьешь из этого маленького, невзрачного, кривого кувшина, да еще благодаришь низким поклоном.

— Отец,— улыбаясь, ответил путник хозяину,— я всю жизнь хочу быть похожим на этот маленький невзрачный сосуд, потому что именно он соприкасался с живительным родником. Попробуй зачерпни из родника большим кувшином. Ничего не выйдет. А маленький — работяга, только он, и никто другой, наполняет этот большой кувшин и оберегает от истощения источник жизни — родник. И пока есть этот родник и при нем маленький невзрачный кувшин — будут проходить здесь большие караваны, будет бурлить вокруг них жизнь. А большой красивый кувшин будет всегда стоять в стороне, дожидаясь, пока маленький наполнит живительной влагой его горделивую форму...

ВСТРЕЧА В ТРАМВАЕ

Она успела заскочить в последний трамвай, который уходил в ночь. Она плакала и ругала сама себя: « Дура я, дура! Поверила, поделилась. Кто меня просил? Как мне жить дальше, как?»

В трамвае сидел один-единственный человек, высокого роста, в беретке. Он поднялся, подошел к ней, сел рядом, вынул из кармана блокнот, развернул его и стал что-то рисовать...

Сначала рисовал на лицевой, затем на оборотной стороне бумаги. Потом хриплым голосом обратился к девушке:

— Гляди, глупая! Здесь ты выглядишь так сейчас, а вот так,— перевернув лист бумаги, продолжил он,— будешь выглядеть, когда успокоишься. Смотри, какая ты красивая. Жизнь прекрасна. Завтра утром ты все забудешь, и если с тобой что-то случилось, кто-то тебя предал, обидел, солгал, то такое в жизни бывает. Благодаря этому люди становятся мудрее. Держи и будь здорова.

Она не успела ничего сказать. Трамвай остановился, и он вышел.

Прошли годы. У нее прекрасно сложи-

лась жизнь. Выросли дети, внуки пошли в школу. Но иногда из своего секретного шкафчика, как реликвию, вынимает она пожелтевший лист и вздыхает с чувством сожаления, что не успела тогда в трамвае крикнуть художнику:

— Подождите!

И ей кажется, что это произошло не тридцать лет назад, не вчера, а сегодня, что происходит все это сейчас...

ПРИ ВОСХОДЕ СОЛНЦА

Самолет приземлился рано, перед самым восходом солнца. И как обычно после каждого возвращения из командировки я поднялся на крышу старого большого дома, где я родился и где сейчас гулял добрый ветер-одиссей, как бы спрашивая меня: «Что, и тебя пронзила нежности стрела?»

Не ответил я, лишь поднял ставни деревянной голубятни, и надо мной, воркуя, взмыла стая белых голубей. Старый сторож-бармалей, как обычно, крикнул: «Хулиган!» А я смеялся — руки в брюки, глаза в небо. Слышу, снизу дети кричат: «Дядя, свистни!»

Просыпается весь дом. Но я не убегаю, а стою. Рисую мысленно на горизонте образ не придуманный, как прежде. И тихо напеваю любимую мелодию, такую нежную, что замирает сердце... И падает, и катится вниз, как белый голубь с неба...

ЗАПОЗДАЛОЕ ЖЕЛАНИЕ

Он проснулся в полночь. Подошел к окну, открыл ставни настежь и не ощутил ночной прохлады. Горячий ветер, словно пощечина маленькой, нежной руки, коснулся его лица. Где-то рядом в ночном пространстве кто-то смеялся.

Он быстро оделся, вышел из дома и пошел по ночным улицам. Остановился у телефона-автомата, нашел в кармане монету, набрал знакомый номер. Длинные протяжные гудки встревожили его.

Он остановил проезжавшее такси, доехав, выскочил у подъезда знакомого дома. И увидел людей в белых халатах, носилки, уносящуюся со звуком сирены «скорую помощь».

Она умерла от сердечной недостаточности...

ПОЧЕМУ?

На улице стоял человек и смотрел на солнце, прищурив глаз. Маленькая девочка спросила:

— Папа, что ты там увидел?

— Да вот, хочу отломить кусочек солнышка и нашей маме подарить.

— Папа, не надо этого делать,— грустно сказала девочка.— Иначе другим ничего не останется, и будет холодно.

— Эх, малышка ты моя,— сказал отец.— Ты говоришь, как наша мама. Это хорошо. Пойдем лучше купим маме цветы. А солнышко пусть светит и греет всех, кто живет на этой грешной земле.

— Пошли,— громко сказала девочка.— Я всегда говорю маме, что наш папа самый-самый хороший. Только мне непонятно, почему ты назвал нашу землю грешной? И что это такое?

ЖУРАВЛИК

В детстве, как сейчас помню, я был самым слабым в школе, и, конечно, мне доставалось. Так сложилось, что мне пришлось оставить дневную школу и пойти работать. Вечерняя школа была далеко от завода, а наш старый дом был еще дальше. Так что приходилось иногда ночевать в школе и днями не бывать дома. Где-то через год, весной, меня с знакомыми ребятами на два дня отправили за город, готовить пионерский лагерь к заезду детей. За лагерем протекала речка.

Там я встретил свой родной класс и вдруг понял, что они были и остались детьми. Тогда я еще не знал, что сделал со мною за этот год завод. Я стал храбрым, смелым и вообще, как мне кажется, теперь никого не боялся. Странно как-то сейчас это вспоминается...

У речки был большой выступ, с которого сбегал уклон с глубокой зеленой травой. С выступа ребята пускали голубей, сделанных из листков школьной тетради. Голуби летели и падали на землю. Ребята подбирали их и, вновь поднявшись на выступ, отправляли в небо.

Мне тоже захотелось сделать такого голубя. Мне дали листочек из тетради, но как ни пытался я сделать голубя, у меня ничего не получалось. Тогда я попросил обложку от тетради. Свернув ее вдвое, я соединил концы, а край оторвал. Получился журавлик. Ребят это заинтересовало, они смеялись, спорили: полетит, не полетит. И вот я пустил его в небо.

Журавлик, пролетев метров пять, сделал круг, вернулся обратно и ударился в мое плечо. Я его поймал. И вновь пустил в небо. И во второй раз журавлик, сделав большой эллипсообразный круг вернулся в мои руки.

Ребята стали кричать: «Еще, еще!»

Я пустил его в третий раз. Журавлик сделал круг и стал возвращаться, но неожиданно поднялся пыльный ветер, и журавлик исчез. Все стали кричать: «Журавлик, журавлик!» На душе стало тяжело и грустно. Как будто я потерял что-то доброе, близкое. Чего жду и сегодня, сейчас. Что вот-вот он вернется, мой журавлик...

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ЖИЗНИ

Она не понимала одного... Зная, что он не любит ее и в конце концов оставит, прогонит, она продолжала быть с ним. Она видела, что ее присутствие раздражает его. У него как всегда было много дел, так как не столько работа находила его, как он сам находил работу. Она не понимала, почему, зачем он так усердно работает. Однажды она, не выдержав, воскликнула с обидой:

— Неужели ты сам себе не принадлежишь? Неужели ты не видишь: чем больше ты работаешь, тем больше лентяев смеется над тобой. Так нельзя жить. Даже металл не выдерживает лишних нагрузок.

На это он спокойно ответил:

— Знаешь, милая, может быть, ты оставишь меня? Я от тебя устал.

— Ты не от меня устал, ты устал от работы,— твердила она.— Да с твоей головой надо работать два часа в неделю. Кто понял тебя за эти годы? Кто поддержал тебя? Чем больше ты брал на себя, тем больше тебя обвиняли в авантюризме, прожектерстве.

Он молчал, лишь утомленные глаза говорили о том, что происходило у него внутри.

Через год он умер от инфаркта. Она не была у него на похоронах, так как боялась, что не выдержит и оскорбит тех, кто станет говорить пламенные речи у гроба. И пришла только через месяц после похорон.

В разгаре была весна. После обильных дождей все кладбище утопало в зелени.

Она долго стояла у могилы, думая о том, что и здесь он лежит беспокойно. Не было здесь ни памятника, ни даже холмика насыпано. Плакать она не умела, возможно, поэтому она села у могилы и, опустив голову, сама себя спрашивала: «Разве я не пыталась его остановить, оторвать от работы. Разве я не понимала и не знала, что он надорвется? Знала, знала», — твердила она и била кулаком о свое колено.

Утром она подала заявление об уходе с работы. Многие ее упрашивали остаться, на что она спокойно, убежденно отвечала:

— Поверьте, мне нужно, обязательно нужно быть с ним рядом...

Она устроилась на работу на кладбище, где он был похоронен. Говорят, что там, где он лежит, постоянно цветут цветы. А по вечерам на скамейке сидит женщина с поседевшими висками. Редкий прохожий может услышать, как она, разговаривая сама с собой, повторяет:

— Вы не знали его, а жаль... Я никогда его не оставлю, я живу ради него одного,— и, как бы успокаивая сама себя, добавляет:— Он обязательно позовет меня. Вы слышите, позовет. Кого же, если не меня?

Если случайно вы окажетесь на этой кладбище, не тревожьте ее. Даже взглядом. Она все понимает с полуслова...

РАССКАЗ НЕЗНАКОМЦА

Снова моросит осенний дождь. Торопятся куда-то прохожие. Разгребая длинными клювами желтую листву, бродят вдоль аллеи черные вороны.

Сажусь на мокрую скамейку и смотрю на дождливую жизнь. Пробежала ватага школьников, прикрыв головы разноцветными портфелями. Старушка вдали перешла дорогу с авоськой в руке. Девушка в косынке в горошек пронесла в полиэтиленовом мешочке золотых рыбок. А я сижу под морозящим дождем, не тороплюсь, уж больно нравится мокнуть, быть маленьким ребенком и фантазировать немножко. Уж больно надоело быть серьезным, грустным. Хочется пробежаться босиком под дождем, просвистеть в небо соловьем. И позвонить из одинокого автомата и спросить: «Как живешь, малыш? Пожалуйста, не плачь. Говоришь, слишком поздно поняла, что рано замуж выскочила? Дуреха, ты же еще не знаешь, может, со мной тебе было бы хуже. Говоришь, нет? Ошибаешься, малыш: я сам себе не нравлюсь. Все время под дождем хожу и песни странные пою. Работаю как вол и сам себе говорю: «Это никому решительно не нужно. Надорвусь, калеккой

стану». Ну и что ж, не боюсь! Боюсь за тебя, малыш. Хочу, чтоб над тобой не моросили дожди. Подарить бы тебе зонтик... Но такого зонтика еще не придумали и вряд ли придумают, чтоб душа не болела, молчала».

Прошли двое парней, спросили: «Закурить есть?» Ответил: «Бросил, а то закурил бы с вами».

Усилился ветер, закачалась оголенные кроны деревьев. Остановился старик, оглядывая меня сверху донизу. Кашляя, произнес: «Сынок, простудишься, до ниточки же промок». — «Ничего, отец, не страшно». — «Дурень, как хочешь, я тебе от чистого сердца говорю», — уходя, процедил старик.

А я сижу, уже не чувствуя дождя, потому что промок насквозь, как в море холодном плаваю. Почему-то улыбаюсь, странно, конечно.

«Друг!» — останавливаясь, громко кричит незнакомец. «Ты что, парень с ума спятил?» — «Деньги есть?» Согласно киваю. «Тогда перейдем дорогу, пока не закрыли кафе».

Стонет саксофон. Официант ставит на стол графин со словами: «Горячего не ждите, поздновато, ребята».

«Думаешь, графина одного хватит? Не хватит, не берет, ни в одном глазу». Повторяем. «Бог тронцу любит». Саксофон вступает в разговор с аккордеоном. Нас приглашают к выходу. Незнакомец, прощаясь со мною, крепко жмет мне руку, приговаривая: «Будь здоров».

Ночные улицы, горят фонари. Знобит, холодно. Иду пешком. Соображаю, ориентируюсь. Сам с собой разговариваю. Все нипочем... Лужи по колено. Черная кошка под дождем гуляет. Наверное, ей, как и мне, тоже все нипочем.

Вот и мой дом, мой подъезд. Стучу в дверь, открывают. Не помню ничего...

Утро. Головная боль. Никто со мной не пытается заговорить. Знают, что со мной это иногда бывает. Целый день все из рук валится. Телефонный звонок. «Прощу, малыш, не звони. Позабудь меня. Не вздумай... Я согласен. Приезжай. Моя мама поймет. Она, ты знаешь, давно тебя ждет. Откуда знает? Нет, не рассказывал. Она сердцем чувствует. Ты плачешь? Почему? Ты лгала? Замуж не выходила? И ко мне не приедешь? Что-то, милая, я тебя не пойму. Говори. Какая авария? Ходишь на костылях четвертый год?! Не может быть! Слушай, малыш, я на руках носить тебя буду, не плачь, не молчи, ты слышишь, не молчи». Длинные телефонные гудки...

Солнечный теплый день. Белое такси. Квартира на девятом этаже. Бегу, забывая, что есть лифт. Открывается дверь. Она, боже мой, она в коляске. Соленые слезы. «Одна не поеду, не хочу».

Иду по улицам, несу ее на руках. Шепчу: «Я донесу тебя, малыш. Вот увидишь, я тебя поставлю на ноги. Мы еще с тобой в дождливую погоду прогуляемся. Знаешь, как это хорошо!»

Знакомый дом, знакомый подъезд, зна-

комая дверь открывается. «Мама, здравствуй!» Слышу добрый мамин голос: «Не плачь, дочка, мы вместе этого дурака человеком сделаем.— Успокаивает:— Ничего, доченька, мы с сыном тебя на ноги поставим».

Открыли окна настужь. Холодный ветер принес в комнату капли дождя, освежил. «Милая, дождь моросит, как вчера. Брось, малыш, грустить. Мы же вместе. Мама не возражает».

...День за днем унесли с собой два года. Она моя жена. Подумать только, на удивление врачей, она пошла. И сына мне родила.

...«Давай, дружок, еще по одной. Хорошо, что мы с тобой снова встретились. Случайно, как в прошлый раз. Что-то я тебе сегодня наговорил, какая-то чепуха получилась».—«Чепуха, говоришь? Нет, нет! Это не чепуха! Это, знаешь, подвиг, подвиг! Осчастливив кого-то, можно самому стать счастливым. Подожди немного, я сейчас...»

Бежит в дождь. Персбегает дорогу. Покупает цветы втридорога. Возвращается. Кричит: «Давай, дернем по последней. Просьба поставить этот букет в красивую вазу. Будьте счастливы. А теперь я пошел. Только не останавливай меня. Мне нужно побыть под дождем. Остудиться, остановиться, подумать, вернуться, успокоить. Ведь я ее люблю. И не знаю, что с ней. Прощай!»

ИСТОЧНИК ЖИЗНИ

Выско в горах у родника жил старик, который ухаживал за этим родником, очищал его, растил деревья вокруг. Старик и родник были как одно целое.

Внизу вдали был оазис, жило селение, где цвели сады, росли цветы. Однажды старик плохо себя почувствовал, спустился в селение и попросил людей, чтобы они дали сыновей для того, чтобы он рассказал им о роднике и передал все тайны родника.

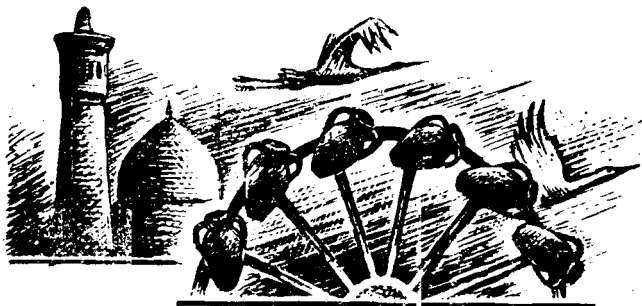
Люди посмеялись над стариком, сказав ему: «До тебя был родник, и после тебя не исчезнет».

Старик ничего не сказал, молча ушел. А на другое утро тихо умер. Через три дня исчез родник.

Люди селения перекопали место, где был родник, но живительную влагу не нашли.

Говорят, что селение покидает это место...

ДВА ДУТАРА

СТО ЗОЛОТЫХ ТАНЬГА

Привычка привычке рознь... Бывают такие привычки, что хуже самой страшной болезни.

Жил был юноша. С детства он страдал скупостью. Она, как неизлечимая болезнь, преследовала его всю жизнь. Юноша не знал ни друзей, ни родных, ничего, кроме золотых монет, которые добывал разными путями и складывал в большие сундуки, что изготовляли ему мастера-сундучники. Сундуки были сделаны из хорошего каленого железа, на них были установлены большие замки с какими-то необыкновенными секретами.

Годы прошли незаметно. Юноша превратился в дряхлого старика, но не было

у него ни семьи, ни детей, ни друзей, не было ничего, кроме сундуков с золотом.

Как-то раз он подумал: «Помру вот завтра, и кому это добро достанется? Возьму-ка я сто золотых таньга, выйду на улицу и отдам первому встречному. Посмотрю, как это его обрадует».

Старик открыл один из своих сундуков, отсчитал сто золотых монет и вышел на улицу. Но на улице никого не было, так как был жаркий полдень и все жители махалли отдыхали в тенистых беседках, попивая ароматный зеленый чай.

Старик прошел по пыльной улице и увидел мальчика, который залез на дерево и рвал зеленые персики. Он остановился и позвал мальчишку. Мальчик, прыгнув с дерева, подошел к старику и громко спросил:

— Дедушка, вы меня звали?

— Да, да, я тебя звал,— ответил старик.— Я хочу тебя спросить,— продолжал он,— ты хочешь быть богатым?

— Я?— смущенно переспросил мальчик.— А кто не хочет быть богатым? Хотя отец говорил мне, что чужого никогда не бери, не в деньгах счастье.

«Ой, какой грамотный,— подумал старик.— Нет, ему сто золотых монет много, дам-ка я ему десять, а остальные девятьсто положу обратно в сундук, на «черный день».

И старик ласково обратился к мальчику:

— Слушай, сынок, дай мне твою руку, я тебе дам десять золотых таньга.

Мальчик протянул левую руку.

— Вот тебе один, два, три... десять золотых,— отсчитал старик.

И тут же на ладони мальчика от слепящего солнца засверкали ярким пламенем золотые монеты.

— Какие они (тяжелые!— воскликнул мальчик.

— Конечно, тяжелые,— сказал старик.— А собрать их еще тяжелее. Бери и спрячь, а если у тебя есть голова, то из них может получиться сто, тысяча,— тихим хриплым голосом сказал старик.

— Дедушка, а у меня правая рука пустая,— лукаво сказал мальчик и показал правую ладошку. При этом его большие, заштопанные разными нитками штаны свалились с него, оголив тело.

«Вай, какой жадный мальчик. Ему десять таньга мало. Я дам ему еще, а он еще попросит. Нет, больше я ему ни одной таньга не дам».— решил старик.

— Знаешь, сынок,— ласково обратился к мальчику старик,— у тебя в правой руке твоя совесть, твоя честь, твоя весна, любовь, друзья...

— Хватит, дедушка, хватит. Я все понял,— громко смеясь, сказал мальчик.— Я понял, возьмите свои десять танга. Мне хватить на всю жизнь того, что находится в правой руке. Прав мой отец, не в деньгах счастье.

Он протянул деньги старику. Тот трясущимися руками попытался взять монеты и обронил их на пыльную дорогу.

Мальчик двумя руками поднял свои заштопанные штаны и исчез в переулке.

Старик, с трудом нагнувшись, попытался собрать рассыпанные монеты, но обронил в пыль и все остальные, что были у него.

— Да пропадите вы пропадом,— в сердцах сказал он,— если даже ребенок понимает, что не в деньгах счастье.

И с трудом поднявшись на ноги, он медленно поплелся восвояси.

КУВШИН С ВОДОЙ

Большой караван вышел из безводной пустыни и остановился у источника жизни — колодца.

В караване на самом большом белом верблюде ехал шах. Когда караван остановился и его путники стали сбрасывать груз с «кораблей пустыни», вокруг собралось много народа из ближайших селений.

Шах восседал на верблюде, как на троне. Увидев среди собравшихся мальчика, крикнул:

— Эй, босяк, а ну-ка принеси-ка мне из колодца кувшин воды.

Мальчик, с любопытством рассматривая караван, не обратил на его окрик никакого внимания. Шах еще раз крикнул:

— Эй, голодранец, если ты не принесешь мне кувшин воды из этого проклятого колодца, то я велю отрубить тебе голову!

Мальчик и на этот раз ничего не ответил. Тогда шах закричал, махнув рукой:

— Эй, слуги мои, где вы, бездельники?!

Тут возле мальчика появился седой, с длинной бородой старик, который, подняв над собой руки, ласковым голосом обратился к толстому, с заплывшими от жира глазами шаху, сидящему на белом верблюде:

— О путник...

— Какой я тебе «путник»?— прервал его шах.— Я шах! Что, старый осел, не видишь, кто перед тобой? Ослеп, что ли?

— Я понял тебя, сынок,— продолжал старик.

— Какой я тебе сынок? Я шах!— еще громче вскричал шах.

Старик опустил поднятые к небу руки и негромко сказал:

— Теперь я вижу, ваше величество, что вы — шах. Поэтому, ваше величество, чтобы вы не теряли свое время и силы, я хочу сказать вам, что этот мальчик и немой и глухой.

— Как глухой?!— расхохотался шах.

— Да, он, к сожалению, ничего не слышит и ничего не может сказать,— продолжал старик.— А разве не знает ваше величество, что в пустыне живут люди разные, к примеру, добрые и злые, зрячие и не зрячие.

— Эй, старик, хватит! Прекрати никому не нужную болтовню. Эй, слуги! Перед тем, как отрубить голову этим паршивцам, заставьте их принести мне из этого колодца кувшин воды.

Двое слуг грубо схватили старика за плечи и потащили его к колодцу.

— Подождите,— взмолился старик,— принесут шаху кувшин воды.

— Кто принесет?— громко спросил шах.

— Мальчик,— задыхаясь, ответил старик.

— Но ведь он глухой, старик. Глухой и немой, и бродит как шакал по пустыне,— вскрикнул шах и вновь расхохотался, чуть не свалившись с верблюда. Только ему одному и было смешно от своей глупой шутки.

Слуги толкнули старика вперед, и он упал.

— Да я же сказал вам, ваше величество,— медленно поднимаясь, ответил старик,— воду в кувшине принесет мальчик.

И старик, подняв руки над своей белой бородой, подал мальчику какой-то непонятный знак, и тот побежал к колодцу.

Через несколько минут он нес полный кувшин с водой. Но шаху он кувшин не подал, а прошел мимо.

— Что ты делаешь, куда воду понес?— грубым голосом спросил шах.

Старик, улыбувшись, ответил:

— Не торопись, шах, сейчас увидишь.

Мальчик пронес кувшин вдоль всего каравана и отдал его человеку, державшему повод верблюда с блестящими колокольчиками на голове.

— Что делает этот голодранец?— возмутился шах.

— Он все делает правильно,— ласково промолвил старик.— Он отдал кувшин

с водой тому, кто вывел караван из пустыни.

— Разве он шах?— удивленно спросил шах.

— Нет,— покачал головой старик,— он не шах. Он караванщик. Его дед и прадед были караванщиками. И дети будут ими.

— Но он же не шах. А я шах! И мой дед, и прадед, и мой отец были шахами,— закричал шах.

— Никто и не спорит, ваше величество,— спокойно ответил старик.

— Так что же, старый осел,— не успокаивался повелитель,— по-твоему, караванщик выше шаха?

— И этого никто не сказал,— спокойно ответил старик.— Каждый делает свое дело. А вот без караванщика нельзя выходить в дальнюю дорогу. Хороший караванщик в пустыне знает дороги, ведущие к людям. А там, где люди, там яркое солнце, колодец с живительной влагой. Там веселые шутки, добрые детские сказки и незабываемые рассказы караванщиков после захода солнца в уютных райских уголках, утопающих в зелени чайханах.

— Ты что, старик, морочишь мне голову? Ты считаешь, что есть другая, лучшая жизнь, чем у шаха?— раздраженным голосом спросил повелитель.

— Жизнь не бывает хуже или лучше. Жизнь на земле одна, только ее надо видеть и слышать, и знать, для чего ты в эту жизнь пришел. Что принес и что уне-

сешь,— ласково улыбаясь, отвечал старик.

— Я же не слепой и не глухой,— закричал шах так громко, что белый верблюд повалился на бок, подумав, что ему дали команду отдыхать. Шах свалился с двухгорбого верблюда и упал лицом в горячий песок.

— Эх, шах,— громче обычного сказал старик.— Вот тебе и кувшин с водой из нашего колодца... В жизни порой зрячие как незрячие. Пойду я к караванщику, узнать, как живут люди в других краях...

МАСТЕР

К старому мастеру приехал из города внук. В маленькой, но теплой и уютной мастерской, положив руки на керамическую вазу, внук хриплым голосом спросил:

— Дед, а дед, что это за вещичка?

— Пожалуйста, будь осторожен с ней,— предупредил мастер.— Сегодня она будет стоять в музее.— И подал внуку листок с синими чернильными записями.

— «Музей прикладного искусства приобретает у мастера...»— быстро стал читать внук.— И вдруг воскликнул: — Огого, неужели это глиняное корыто стоит 20 тысяч рублей? Ха-ха, дед, ты, оказывается, беспредельно богат. Подумать голько! Дед, а дед,— продолжал он,— а ты можешь сделать 500 таких ваз?

Мастер, закурив свою трубку, молча улыбнулся.

Внук повторил свой вопрос:

— Дед, а дед, ты бы сварганил 500 штук?

— Зачем?— спросил мастер.

— Ты понимаешь, дед, мы с тобой могли бы их нашлепать. Представляешь,

дед, 500 штук дадут нам миллион. Дед, понимаешь ты это?— возбужденно говорил внук.— Ты не представляешь, какую мастерскую, нет, даже фабрику на этот миллион мы можем отгрохать.

— Подожди, не шуми так и отойди от вазы, пожалуйста,— тихо обратился к внуку мастер.— Это кирпичи можно на-шлепать на конвейере, хотя и кирпичи надо делать красивые, тогда и дома будут хорошие.

— Ха-ха, дед,— рассмеялся внук.— Какие кирпичи? Это невыгодно, это копейки, понимаешь? Надо шлепать вст такие вазы. Сделать одну пресс-форму — и шлепать. Вынимать их и разукрашивать — дело нехитрое...

— Э, не говори глупости, внук,— перебил мастер.— То, что можно на-шлепать — это не искусство. То, что выстрадано сердцем и сделано в муках,— это неповторимое явление. Лишь это остается в памяти людей.

— Дед, о чем ты говоришь, какое искусство?— И вдруг, дочитав листок с синими чернильными записями, внук вскрикнул:— Дед, ты что, совсем спятил? Как это вазу, оцененную в двадцать тысяч рублей, ты передаешь музею бесплатно, в подарок? Да ты же сумасшедший! Это же один, а то и два «Жигуленка»! Во даешь!— не мог успокоиться внук.

— Не горячись,— усмехнулся старый мастер.— В эту вазу я вложил весь свой опыт, знания, все, что я вообще мог вложить. Всю жизнь мечтал о ней. Переде-

львал сотни раз. И когда сделал, то понял, что она радуется не только меня, но и людей. Конечно, не таких глупых, как ты. Ведь ко мне приходят мастера из разных краев, соседи, знакомые, чтобы посоветоваться, иногда даже поучиться. И тогда я решил передать ее в музей — пусть люди смотрят на нее и радуются.

— Ну ты даешь, дед! Если я расскажу своим друзьям об этом, они точно скажут, что предок у меня сумасшедший. Так вот, дед, что я скажу: или ты продаешь эту вещь в музей и поможешь внуку купить приличную автомашину, или ее у тебя не будет, — выпалил внук.

— Как это не будет? — заволновался мастер.

— Не будет — и все, понимаешь, дед? Глупый ты. Твой родной внук живет в двухкомнатной квартире, ездит на старой «Волге», а его родной дедуля делает царские подарки какому-то музею, — не успокаивался внук.

— Подожди, не горячись, пожалуйста, — прищутив глаза, попытался образумить его мастер. — Мне не хотелось бы упрекать тебя, внук, но я же сделал для тебя все, что мог. Возможно, поэтому ты привык, что тебе должны все время помогать. Ведь до сих пор ты не женат, ничего не сделал в жизни сам, не учишься. И все имешь: квартиру, машину, видеомагнитофон. И профессии у тебя нет. Да и кто знает, что ты делаешь, чем занимаешься? Родители твои махнули на тебя

рукой. Я ведь пытался научить тебя своему искусству. А ты посчитал эту работу грязной. Да, я виноват. Я любил тебя и потому многое прощал тебе. И на все, что ты хотел, что просил, я беспрекословно соглашался. Теперь ты вырос, и я не знаю, да и не хочу знать, как ты живешь. Мне надоели твои наезды, твои невыносимо грубые нападки, после которых болит душа. И, пожалуйста, больше не мешай мне. Я уже стар, а желание сделать много красивого не покидает меня. Хотя знаю, времени у меня осталось не так уж много. Вот эту работу сегодня заберут в музей, а я начну следующую. Ты ведь не знаешь, сколько у твоего деда было выставок. Я даже за рубежом выставялся. И сколько моих работ находятся в музеях страны. Ничего, к сожалению, ты не знаешь, тебе это не интересно. Вот что обидно.

— А я всегда считал, дед,— перебил его внук,— что ты не умеешь жить. Ты всегда был глупым и потому всю жизнь копался в этой грязи...

— Это я в грязи копался?— резко остановил его мастер.— Ошибаешься, я всегда был художником, мастером. Да, я не всегда вкусно ел, дорого одевался, но я всегда был полон жизни. А вот ты, внук мой, всегда пользовался чужими благами. Таких в природе называют пустоцветом. А ведь давно известно: кто не работает, того не кормят,— в сердцах сказал старый мастер.

— Ах так, дед! За эти слова ты у ме-

ня ответишь. Ты еще пожалеешь!— И, подняв над головой вазу, он бросил ее на пол. Ваза разбилась, рассыпалась на мелкие кусочки.— Я сказал тебе, что ты пожалеешь,— кричал внук.— Я таких дураков, как ты, в гробу видел. Больше меня не жди, у меня своих дел в городе хватает, будь здоров!— и громко захлопнув дверь мастерской, он выскочил на улицу.

Мастер молча сидел за своим столиком, покуривая старую трубку, пока дверь мастерской не открылась и в комнату не вошла девушка.

— Дедушка, еще раз здравствуйте,— тихим голосом сказала гостья.— Мы приехали, как договорились утром, с помощником, чтобы увезти ваше произведение.

— Проходите, проходите, она вон там, ждет вас,— махнул рукой мастер за перегородку.

— А эта что, разбилась?— увидев осколки, воскликнула девушка.

— Не волнуйтесь, это всего лишь копия, а оригинал целый. Можете забирать.

— А эту зачем разбили? Она ведь тоже была прекрасна,— удивленно спрашивала девушка.

— Каждая вещь, настоящая вещь, в искусстве должна быть неповторимой и в единственном экземпляре...

На другое утро в маленькой, чисто прибранной мастерской было тихо. Мастер сидел за своим низким столиком, в удоб-

ном плетеном кресле, покуривал свою старую трубку и обдумывал будущее произведение. Не стоит ему мешать. Лучше придем к мастеру, когда он завершит свою очередную работу, а если не найдем времени, то придем в музей посмотреть на творение его рук, порадоваться и мысленно поговорить со старым мастером о жизни.

ЛОМТИК ДЫНИ

На старой площади города шли строительные работы. Движение на примыкающей улице было односторонним. На другой стороне велось строительство подземного перехода.

Был жаркий полдень. Вокруг все гремело — работали бульдозеры, экскаваторы. Из котлована один за другим выезжали самосвалы с желтыми горбами грунта, похожие за завесой пыли на идущих по пустыне верблюдов.

Для жителей это было привычным явлением: город давно был большой строительной площадкой. Люди бесконечной вереницей шли через площадь — к торговому центру, театрам, гостинице. От площади рукой подать и до одного из лучших восточных базаров.

Нас было четверо только что демобилизовавшихся солдат, и решили мы в этом удивительном городе навестить своего друга, демобилизовавшегося на год раньше нас. Приехали без телеграммы, так как запомнили его точный адрес. Рассчитывали только на то, что знали название его махалли — «Кукча» — и что он мастер резьбы по ганчу. Мы уже пред-

ставляли, как приедем в старую часть города, найдем эту махаллю, зайдем в чайхану и спросим, где здесь живет наш друг Шерзод-усто, резчик по ганчу.

Но прежде всего мы решили посетить торговые ряды восточного базара. А уж потом, отведав восточных сладостей, двинуться на поиски друга.

Мы не успели перейти центральную часть площади, как все движение остановилось. Милиционер с широким загорелым на солнце лицом что-то объяснял старику, удобно сидевшему на двухколесной арбе, захавшей на полосу встречного движения. Старик размахивал длинным кнутом, но лошадь стояла неподвижно, низко опустив голову. Мы подошли ближе. Старик, пытаясь привести лошадь в чувство, сердито покрикивал. А вокруг скопилось множество машин, которые, как стадо животных, выпущенных из зоопарка, рвались на свободу. Перед лошадью сигналила красиво украшенная яркими лентами свадебная «Чайка». Из нее высочил высокий человек в черном элегантном костюме. Но не успел он подойти к лошади, как она шарахнулась в сторону, и арба только чудом не опрокинулась в глубокий котлован.

— Вы что, ребята, глазеете!— крикнул он.— А ну-ка, смело взяли!

И мы, как по команде, обхватив арбу со всех сторон, оттащили ее от края котлована. А мужчина в черном костюме уже командовал впереди, чтобы развернуть арбу в обратном направлении.

Старик потянул за вожжи. Арба, проехав через площадь, остановилась на другой стороне, у обочины. Остановив арбу, старик замахал в нашу сторону руками.

— Зовет. Видать, еще что-то случилось,— сказал мужчина в черном костюме.

И тут только мы узнали в нем Шерзода.

— Ребята, как хорошо, что вы приехали!— закричал он от радости.— У меня свадьба. Женюсь я, черт возьми, сегодня. На самой красивой девушке нашего города!

Когда прошла первая радость, он сказал:

— Ну что, ребята, пошли сперва к старику. Нельзя его в такой день оставлять без внимания.

Старик был небольшого роста, с удивительно крепкими руками, в которых он держал большую желтую дыню. Лицо его украшали излучающие доброту, чуть завывшие глаза, которые, как видно, немало повидали в своей жизни радости и горя.

— Ты, сынок, я вижу, сегодня женишься,— обратился старик к Шерзоду.— Возьми на свадьбу эту дыню, такой нигде больше нет. Уж извини старика, что потревожил в такой важный в твоей жизни день. Да и костюм, я вижу, ты испачкал.

— Ничего, отец, жена будет в доме, наведет порядок,— пошутил Шерзод.

— Да, сынок, ты прав. Жена наведет порядок. Но зависит это и от тебя, от твоего отношения к ней,— сказал старик.—

Вот вы знаете, что в жизни самое прекрасное?— неожиданно, внимательно посмотрев на нас, спросил он и продолжил: Я, например, думаю: мир человеческого общения. А проще говоря — человеческая доброта. Мне вот семьдесят семь. Иногда путаю имена своих детей, а в именах внуков и правнуков вообще разобраться не могу. Но вот имена добрых, хороших людей, с кем мне приходилось встречаться, работать, воевать, пусть им земля будет пухом, никогда не забывал и буду помнить до самой смерти.

Он сел на свое удобное сиденье, аккуратно обшитое черным дерматином, и продолжал:

— Есть такая притча... У одного человека был единственный сын. Как-то раз ранним утром разбудил отец сына и говорит: «Знаешь, сынок, тебе сегодня исполнилось шестнадцать лет. Хватит заниматься детскими забавами. Ждет тебя сегодня серьезное и важное дело. Возьми и вскопай наш земельный участок. Пора его чем-нибудь засеять. Сам знаешь, какая короткая весна в наших краях». — «Хорошо», — сказал сын и после ухода отца на работу взялся за дело. Через несколько часов работы его руки были в кровавых мозолях. От каждого удара кетменя о землю мальчик ощущал в руках невыносимую боль. Он уже собирался было бросить свою затею. Но вспомнил данное отцу слово и поэтому продолжал работу. И вдруг увидел в земле край небольшого кувшина. Он бросил кетмень,

руками расчистил землю и вытащил кувшин на поверхность. На кувшине была сделана надпись «Золото». Обрадовался юноша. Поставив кувшин на дувал, он решил, что надо копать дальше. Если нашелся один кувшин, возможно, есть и второй. Он уже не обращал внимания на свои мозоли, на усталость, на жаркое, палющее солнце. И не ошибся. Нашелся в земле и второй кувшин. Юноша расчистил его со всех сторон, попытался поднять, но не смог. Все его попытки не увенчались успехом. «Черт возьми,— возмущался юноша,— такой же кувшин, как и первый, а поднять его невозможно. Только вот надписи на кувшинах разные. На первом «Золото», а на втором «Мир человеческого общения».

На другое утро разбудил его отец, похлопав по плечу, спросил: «Сынок, расскажи мне, пожалуйста, как ты сумел с таким большим участком в течение одного дня управиться?» Сын и говорит: «Нашел я в земле два одинаковых кувшина. Первый, с золотом, вытащил я без труда, а вот второй, ради которого пришлось все кругом раскопать, я так и не сумел ни поднять, ни даже закопать».—«А что ты сделал с первым кувшином?»—спросил отец. «Вот первый кувшин, с золотом, я без особого труда закопал в землю»,—ответил сын. «Так просто взял и закопал?»—переспросил его отец. «Да, отец, взял и закопал его поглубже. Потому что в жизни есть вещи гораздо весомее и дороже золота»,—ответил мальчик. «Что

же?»— спросил отец. «Вот на втором кувшине сделана надпись «Мир человеческого общения». Что может быть выше этого, отец? И мне кажется, что этот мир доброго человеческого общения постигает тот, кто считает главным в своей жизни труд»,— ответил юноша. Отец, похлопав его по плечу, с гордостью сказал: «Теперь я вижу, что у меня вырос настоящий сын!..»

— Вот и все, дороге мой,— помолчав немного, закончил свой рассказ старик.— К сожалению, надо ехать. Очень рад нашей встрече...

И арба медленно двинулась по направлению к базару.

На свадьбе у Шерзода мы сидели за самым почетным дастарханом.

И перед каждым из нас лежал на столе маленький ломтик дыни как напоминание о мудром рассказе старика и этой простой истории, происшедшей на старой площади удивительно теплого и милого города.

ДЯДЯ, ВЕРНИ СОЛНЦЕ!

В узком коридоре поликлиники было многолюдно. Свободных стульев не было, и он стоял в полусогнутой позе, внимательно рассматривая посетителей. «Подумать только, все пожилые и старые, ни одного моложе меня. Сам виноват. Надо было раньше прислушиваться к советам врачей»,— раздумывал он.

«Завтра коллегия. Интересно, получил ли мое письмо министр! Вряд ли, если б получил, то позвонил бы. Надо убедить его, иначе все пойдет насмарку. Иного пути нет, в период реконструкции надо произвести снос двух производственных цехов. Да какие это цеха? Старые конюшни...»

— Вы что-то сказали?— спросила проходящая мимо медсестра.

— Да нет, что вы. Это я так,— вытирая пот со лба, ответил больной.

Постояв немного, он неторопливым шагом вышел во двор поликлиники. После ночного весеннего ливня весь двор был усыпан крупными яблоками.

— Надо же, сколько яблок и какие чудные сорта,— вслух сказал больной.

Две девушки, весело переговариваясь между собой, собирали яблоки в полиэтиленовые мешочки под согнувшимися, тяжелыми от дождя ветками многолетних яблонь.

Увидев на садовой аллее скамейку, больной направился к ней. Из открытого окна его окликнули.

— Молодой человек...— обратился к нему пожилой человек в белом халате.

Больной, ничего не отвечая, кивнул головой, как бы давая согласие вернуться в здание поликлиники.

— Сколько раз я вам говорил, как только ни уговаривал вас, милейший! Одевайтесь. Не то может оказаться поздно,— осмотрев больного, вздохнул врач.

— Какой непонятливый пациент,— заполняя анкету, выразила недовольство медсестра.

— Вот вам направление в больницу...— подавая исписанный жирными чернилами белый листок, врач выразительно смотрел в глаза больному.

Медсестра, отложив анкету в общую стопку, поддержала начатый врачом разговор:

— Да вы поймите! У вас же семья! Сын и две дочери. Ладно, о себе не думайте, так подумайте о жене, о детях!

— Будем надеяться на лучший исход. Только я вас очень прошу, сегодня же ложитесь в больницу, а то будет поздно, совсем поздно,— положив руку на плечо больного, снова глубоко вздохнул врач.

— Хорошо, доктор. Только послезавтра, завтра у меня коллегия, и мне...

— Какая коллегия?— перебив больного, воскликнул врач.

— Мне нужно быть на этой коллегии, да и вообще, нужно успокоить жену, побывать на заводе, а то бог его знает...— грустно усмехнулся больной.

— Да бросьте, бросьте вы тут панихиду справлять. Пока есть хоть маленькая надежда, надо бороться и верить в жизнь. Шагом марш!— командирским голосом приказал врач.— Я проверю, слышите, сегодня же проверю!— прикрикнул он вслед медленно уходящему больному и покачал головой.

Обходя по тротуарам небольшие лужи, образовавшиеся после ночного ливня, больной чуть ли не вслух ругал самого себя: «Надо было вчера разобраться с диспетчерами, почему неритмично стал работать четвертый цех...»

— Надо, надо,— повторил он вслух и вдруг ощутил на щеке тепло солнечного луча.

Он поднял голову и увидел на балконе высотного дома мальчика лет семи-восьми с маленьким зеркальцем в руках, от которого весело порхали солнечные зайчики. Это было довольно занятно...

Больной, чтобы поприветствовать мальчика, поднял руку над головой, и солнечный зайчик мгновенно оказался у него на ладони.

У больного на лице появилась добрая улыбка. Хорошее настроение возвраща-

лось к нему. Он рассматривал дом с красивыми балконами, на одном из которых стоял мальчик в коротенькой белой рубашке...

Подняв глаза к голубому небу, он увидел, что там, в вышине, движется белое облако, которое через мгновение закроет солнце, и неожиданно крикнул: «Мальчик, большое тебе спасибо! За солнце! Я возьму его с собой!»— и закрыв ладонь резким движением, опустил руку в карман.

В тот же миг облако закрыло солнце, и зайчик пропал. Он словно и вправду исчез в кармане у этого большого, взрослого человека. И в это время разнесся крик мальчика:

— Мама, мама, дядя забрал солнце! Мама, мама, он положил его в карман!

В недоумении останавливались прохожие. На балконе появилась женщина, которая во всеулышание, подражая сыну, всплеснула руками и веселым голосом обратилась к спешащим внизу людям:

— Товарищи! Бросьте баловаться. Сию же минуту верните солнце!— И, не удержавшись, громко расхохоталась.

А мальчик продолжал плакать и кричать:

— Мама, мама, дядя забрал солнце!

Больной посмотрел вверх и увидел, что облако торопливо плывет по небу и через минуту-другую появится солнце. Он вынул из кармана руку, поднял ее и крикнул:

— Мальчик, держи свое солнце и никогда его не теряй!

Тут он сделал движение, как бросают вверх голубей, которые, вспорхнув, парят потом над головой. И сразу же вокруг ярко засияло солнце. И всей улице был слышен веселый, радостный голосок мальчика: «Мама, мамочка, дядя вернул мое солнце! Мама! Солнце вернулось!»— заливаясь веселым смехом, радостно кричал мальчик.

У заводской проходной больной почувствовал, что боль в груди ослабела, и он, улыбаясь, подумал: «Странно, отчего я сейчас ощущаю в себе прилив каких-то новых сил? И понимаю: действительно, надо немедленно лечь в больницу и делать операцию».

Вахтер, который знал его больше двадцати лет, кашляя, старческим хриплым голосом спросил:

— Что случилось? А мы уже стали беспокоиться. Не помню такого случая, чтобы вы на работу опаздывали.

— Да так, решил прогуляться по городу,— ответил больной.

Он медленно, молча обошел всю территорию завода. Долго стоял у заводского фонтана, рассматривая рассыпающиеся в воздухе на мелкие капли струи воды. Потом зашел к себе в кабинет, позвонил жене, в Министерство. Вызвал секретаря, попросил найти главного инженера и передать подготовленные материалы для коллегин.

— Если будут спрашивать, то передайте, что я здоров, взял трудовой отпуск за последние пять лет.

Он вышел из проходной и остановился. Что-то ошутимо кольнуло в сердце. «Неужели проклятая болезнь не даст закончить начатое?» — подумал он.

За его спиной, скрипнув, открылись заводские ворота и выехала автомашинна. Водитель, остановив машинну, открыл дверцу.

— Садитесь. Что с вами? — участливо спросил он. — Вы знаете, я вас в поликлинике потерял. Ходил за сигаретами... — виновато оправдывался водитель.

— Да ничего. Это даже хорошо, что ты ходил за сигаретами... — ответил больной.

— В райисполком или в Министерство? — как обычно спросил водитель.

— Дорогой мой, хватит, наездились мы с тобой по министерствам. В городскую больницу, — ответил, улыбаясь, больной.

— Куда? В больницу? — не понял водитель и, остановив машину, с удивлением добавил: — Зачем?

— За солнцем, дорогой мой, за солнцем.

— Каким еще солнцем? Что с вами сегодня? — пожал плечами водитель.

— За настоящим, ярким солнышком, — с улыбкой на лице ответил директор.

Через несколько минут машина мчалась по широкому проспекту, освещенному ярким весенним солнцем...

ВСТРЕЧА

Грузовик повернул вправо. Хаким остановил машину, вышел и от огорчения махнул рукой. Было холодно. Шел осенний дождь, пахло снегом.

«Черт возьми, этого еще не хватало. В такую погоду собаку из дома не выгонишь, а тут как назло...» — подумал водитель.

Навстречу вышли люди. Старушка небольшого роста провожала сына с женой и внуком. Мать, прощаясь, приговаривала:

— Дильмурад, сынок, я же просила, чтобы ты не беспокоился. В такое позднее время да еще в такую погоду больше не приезжай.

— Ничего, мама, только не обижайся. Сама же знаешь, как всегда очень много дел, а мы уже две недели у тебя не были. Ты, пожалуйста, не волнуйся, сейчас быстро остановим такси и будем дома, — весело ответил сын.

Он обнял мать, взял ребенка на руки, стал переходить дорогу. Возле самосвала семья остановилась, и молодой человек спросил у шофера:

— Батя, что случилось? Помощь нужна?

— Да ничего, сынок, я что-нибудь сам придумаю,— ответил Хаким.

Жена с возмущением обратилась к мужу:

— Зачем ты вмешиваешься не в свое дело? Чудак-человек, о чем ты думаешь? Завтра утром на работу, а чувствуешь ты себя неважно. Другие сразу же берут бюллетень, а тебе больше всех надо...

— У человека что-то случилось, поэтому я и спросил,— резко ответил муж.

Они остановили такси. Но, отъехав метров сто — сто пятьдесят, машина остановилась. Дильмурад обратился к жене:

— Ты не волнуйся, пожалуйста. Езжай домой. А я помогу водителю и вернусь.

Он вышел, захлопнул дверцу машины и быстро направился к стоящему самосвалу. Подойдя к машине, он увидел, что она была приподнята с правой стороны и водитель, кряхтя, работал с ключом у переднего колеса.

— Батя, я вернулся, чтобы вам помочь,— обратился он к водителю.

— Я очень прошу тебя, не беспокойся. Нечего тебе мокнуть под дождем. У меня сегодня и так нелегко на душе, я сам справлюсь,— с раздражением ответил Хаким.

— Вы на меня не обижайтесь. Вы забыли включить передний и задний свет. В такую погоду и сбить недолго,— не унимался парень.

— Сам знаю,— возразил Хаким. Молча открыл дверцу машины и включил освещение. Затем, кашляя, закурил и правой рукой стал массировать левое плечо.

— Чего, батя, уже травму получили?— посочувствовал молодой человек.

— Да нет, что-то ност рука, будь она проклята. Столько лет прошло, но она все дает о себе знать,— ответил водитель.

— Может, вам согреться надо? Вы садитесь в машину, а я сам поколдую над вашим колесом...

— Да нет, сынок, большое тебе спасибо. Ты лучше поезжай. Уже поздно, я сам справлюсь,— упрашивал водитель.

— Батя, я уже не могу уехать. Ведь я вернулся, чтоб вам помочь,— не отставал парень.

— Как тебя зовут?— спросил Хаким.

— Дильмурад.

— Хорошее имя у тебя, Дильмурад,— повторил водитель имя нового знакомого.— Что ж, если хочешь помочь, помоги, вместе веселее.

Дильмурад помог снять спущенное колесо, установив запасное, стал закручивать гайки.

— Здорово у тебя получается,— одобрил старый водитель,— просто здорово.— Тяжело вздохнув, он спросил:— Почему ты не уехал, что тебя вдруг заставило вернуться?

— Странный вопрос, почему. Если бы, батя, не дождь, я бы уехал. Но вообще-то у нас не принято оставлять человека в беде,— ответил Дильмурад.

— Да, ты прав, у нас не принято...— согласился водитель.— А что ты меня все «батя» да «батя»?

— Извините, но как-то с детства привык всех, кто старше меня, называть ба-тей. А что, не нравится?— оторвавшись от работы, спросил Дильмурад.

— Не знаю. Но почему-то старшего сына за то, что он меня так один раз наз-вал, я отругал.

— Ну и зря. Я обращался к своему от-цу только так. Он у меня был участником Великой Отечественной. Эх, золотой чело-век был, с полуслова всех понимал.

— А что с ним стряслось?

— Сердце подвело. Такой уж был человек, все близко к сердцу принимал. Знал, что такое доброта, доброе дело, и нас этому учил. Да, такие вот дела...— вздохнул Дильмурад.

Когда колесо было установлено, Ха-ким предложил Дильмураду:

— Садись, отвезу тебя домой, а потом уж поеду в гараж.

— Спасибо. Вы поезжайте. Вам по центру ездить нельзя. Не волнуйтесь, я доберусь,— ответил Дильмурад.

— Ну давай хоть до троллейбуса под-брошу,—взмолвился Хаким.

— Хорошо, только до троллейбуса,— сказал Дильмурад и сел в кабину. Оба из-рядно промокли под дождем. Дильмурад вынул из кармана платок и стал вытирать лицо.— Что-то больно холодный дождь пошел, к утру, наверное, в снег перейдет,— заметил парень.

Хаким завел машину и спросил спутника, кто он по специальности.

— Инженер-механик я.

— Потому у тебя и руки золотые. Ви-дел я, как ты с ключом работаешь. Гайки как по маслу закручиваешь. Да, специалист он и есть специалист,— заключил водитель.— Ты знаешь, сынок, я очень рад, что ты остался мне помочь. Просто по-человечески приятно. Я вот целый день сегодня думаю, хорошо ли я прожил жизнь? И весь день вспоминаю фронтовые годы, дороги. Там, когда было тяжело, очень тяжело, хватало сил успокоить себя, потому что чувствовал поддержку товарищей, вместе с ними верил в победу. И поэтому, наверное, и дошел до Берлина, на рейхстаге оставил подпись. И после победы никогда не унывал. Но вот последнее время стал часто задумываться, правильно ли живу. Хорошо ли воспитываю сыновей.— Хаким вздохнул.— Мне б что-нибудь тебе веселое рассказывать, а я вот о грустном размышляю,— продолжал он.— Да-а... Старший дважды женился, и все у него не как у людей. Младший и по сей день не определился. За хулиганство отсидел два года. И вот теперь не может, как он говорит, профессию по душе найти. А ведь у меня в семье четверо детей. Поэтому я и думаю о войне, о тех ребятах, с которыми воевал.

— Вы бы рассказали о себе...— спросил Дильмурад, видя, что шоферу хочется отвести душу.

— Что же рассказать? Всякое случа-

лось... Да вот... Помню, это было осенью 1942 года, под Ленинградом. Немцы тогда совсем озверели... Я на своей полуторке вез снаряды. Еду и вижу: надо мной кружит зараза-мессершмитт, а я за баранку ухватился и жму на всю железку. Знаю, там, на передовой, снаряды позарез нужны. Как назло открытая вокруг местность, и скрыться негде. Разбитая дорога, ямы да ухабы. Вдруг вижу, что фашист пикирует сверху мне прямо в лоб. Помню, сердце в пятки ушло. И в это время слышу, всю машину прошило: та-та-та... Ну, думаю, сейчас все взлетит на воздух... Нет, пронесло... завел все-таки снова машину и давай петлять по разбитой дороге. Немец еще сделал заход, прошел всю кабину,— Хаким провел пальцем по потолку своей машины,— вот так вот.

Не помню как, но добрался до своей батареи,— продолжал он.— Вывалился я из машины мокрый, как после бани. Мне что-то кричат, машут руками, а я не слышу и говорить не могу. Механически прикладываю к губам пальцы, дескать, дайте закурить. А всем не до меня, хватают ящики с моей полуторки и бегут. Я следом за ними, тоже хватаю ящик и туда же. Дело было к вечеру. Солнце еще освещало верхушки деревьев. Бегу, и вдруг рядом взрыв, меня обожгло пламенем, и я упал.

Не знаю, сколько я пролежал. Пришел в себя, ползком добрался до машины, чувствую: в левом плече адская боль. Кое-как поднял последний ящик и к батарее. А

там ни души... Развороченная пушка и рядом с ней лицом вниз молодой лейтенант. Я его поднял, повернул к себе и ахнул. Сейчас уже не помню,— тяжело вздохнул водитель,— то ли правая, то ли левая рука у него была оторвана. Пришлось и такое увидеть... Кое-как перебинтовал его. Кроме лейтенанта нашел еще двоих ребят. Пока я их уложил в кузов своей «старушки», уже стемнело. Правда, изредка взлетали ракеты, освещая местность. Завел я машину, а выехать не могу. Завязла задними колесами и ни в какую. Вылез я из кабины, забрался в кузов и кричу: «Ребята! Ребята!» А они не шелухнутся, без сознания... Спрыгнул на землю, а боль в плече — огнем полыхает. Встал на колени и руками стал черпать грязь. Что поблизости нашел, накидал под колеса, завел кое-как машину... Еду как можно медленнее, боюсь за ребят. Все надеюсь, что кто-нибудь из них жив. Проехав немного, остановил машину, так как дождь пошел по настоящему. Не знаю как, но сумел посадить двоих ребят в кабину. Сбросил с себя шинель и укутал третьего — младшего лейтенанта с оторванной рукой. Не знаю, как вел машину, но эта дорога показалась мне целой вечностью. Дотащился кое-как и сам свалился...

Через три дня ко мне в палату вошел полковник медицинской службы.

— Вам, молодой человек, просто повезло. Вы слышите меня?— спросил он.

— Вроде бы, товарищ полковник.

— Так вот, возьмите себе на память,— и подал мне сверточек.

Я развернул и увидел два осколка.

— Это из вашего колена,— показал он на маленький осколок,— а вот этот, что побольше,— из плеча. Так что поздравляю. Рад за вас. Считаю, что вы в рубашке родились,— и похлопал меня по плечу

— А что с ребятами, которых я привез?

— Один из трех...— медленно сказал полковник.

— Один из трех умер?— перебил я.

— Нет, остался жив, дорогой мой, остался жив,— повторил полковник.— Сегодня отправили твоего младшего лейтенанта в тыл.

У меня тогда словно сердце остановилось. Как лейтенанта? У него же рука была оторвана, да и вообще я его вез в кузове, думал, что он безнадежный.

— На войне, дружище, и не такое бывает,— сказал полковник, вынул кيسет, дал мне закурить.

По сей день помню эту закрутку. Наверное, курил я ее со своими слезами.— Хаким посмотрел на Дильмурада, вздохнув, сказал:— Вот такие дела, сынок.

Дильмурад молчал, ему казалось, что любой его вопрос будет сейчас неуместным.

— Так вот,— продолжал Хаким,— что-то я сегодня целый день об этом вспоминаю. Вчера вечером расстроился, отчего-то на сыновей накричал, назвал их бездельниками.

— Это, батя, плохо,— сказал Дильмурад.

— Ты так думаешь?

— Мой отец никогда не кричал. Он считал так, что прежде чем ругать, надо выслушать. А потом поговорить с сыном по-отцовски, с братом — по-братски, с другом — по-дружески. Тогда, говорил он, в доме всегда будет гореть свеча, а значит, будет жизнь. Иначе, говорил отец, все будут жить врозь. И наделают они кучу ошибок непоправимых. Вот нас у матери шестеро, и все мы при деле. Мне, правда, бывает труднее всех: старший я теперь в семье, и поэтому приходится мне быть аксакалом,— улыбнулся Дильмурад.

— Да, в чем-то твой отец и прав,— заметил Хаким.— Ну вот, кажется, и твой троллейбус стоит. Я сейчас остановлю.

Дильмурад приоткрыл дверцу и, прощаясь с водителем, спросил:

— Вы с какой автобазы?

— Сто двадцать седьмая у нас, сынок...

— Она находится на Карасарайской?

— Да, там...

— А у вас есть возможность дома поставить машину?

— Да, конечно...

— Тогда знаете что... Вы поезжайте домой, уже поздно, да еще, смотрите, как холодно. Вы же совсем промокли. А я позвоню в диспетчерскую и объясню, что в дороге с вами стряслось. А потом,— Дильмурад слегка запнулся,— у меня к вам просьба — не надо сыновей обижать. Вы их не ругайте, а сначала выслушайте

внимательно. Может быть, у них есть свои доводы. А уж потом делайте выводы.

Хаким улыбнулся и сказал мягко:

— Спасибо тебе большое, сынок.

— А я сейчас же позвоню,— продолжал Дильмурад.— Вы не волнуйтесь, у меня есть дома телефон, я непременно дозвонюсь до диспетчерской и все объясню.

Дильмурад захлопнул дверцу и побежал к троллейбусной остановке. Хаким долго сидел в машине и смотрел вслед уходящему троллейбусу.

«Оказывается, мудрость не зависит от возраста»,— подумал он, покачав головой.

Развернул машину и поехал к дому. А дождь лил как из ведра, хлестал по стеклам машины и ручьями стекал по капоту. Хаким, задумавшись, вспоминал уже послевоенные годы. О том, как часто он говорил своей жене: «Трудную я прожил жизнь, трудную. И не хочу, чтобы мои дети видели эти трудности, пусть лучше учатся». Годы прошли быстро, незаметно подросли дети. Старший Омон, младший Ахмад.. Два сына, два высоких красивых парня, которых он женил торжественно, под звуки карная и сурная, собрав всех родных и близких. Вроде бы этому счастью не было конца. А потом пришли раздумья. Отчего так произошло, что его дети и внуки редко стали бывать у него. Это особенно ощущалось, когда он был болен, когда раны не давали покоя, когда неделями лежал в постели. Хаким постарался

отвлечься, закурил, но мысли не давали покоя.

«Да,— думал он,— права жена, которая сколько раз говорила: ты их отец, зачем кричать на парней. Ты их выслушай, дай им совет. А ты их все бездельниками и дармоедами обзываешь». Хакиму вдруг до боли захотелось увидеть сыновей.

Машина подъехала к родной улице, к дому, где он жил, у ворот остановилась. Хаким вышел, захлопнул дверцу. А дождь все шел и шел...

Калитка отворилась, и он услышал голос жены:

— Хаким, это ты?

— Да, Гульнора, это я. Ты не волнуйся, открой ворота, я машину поставлю.

В прихожей сидела собака. Ласковая, добрая, которую он звал «Динго». Беленькая, пушистая, с черными ушками, она всегда встречала его радостным лаем, а сегодня, как будто увидев настроение хозяина, молча подбежала и прижалась к ногам.

— Ну что ты, иди на место,— сказал Хаким, отворил дверь и зашел в дом.

В комнатах было тепло и уютно. Хаким умылся, молча походил по комнате, потом сел к столу.

— Что с тобой?— обеспокоенно спросила жена.

— Да ничего... Я просто задумался, хорошо ли мы с тобой живем?

— Что ты, слава богу,— всплеснула руками жена.— И жизнь у нас хорошая,

и соседи хорошие, и родственники нас не забывают.

— Знаешь, Гульнора, пригласи завтра на ужин детей. Пусть будут и невестки, и внуки,— запинаясь, сказал Хаким.

— Так они только вчера были,— удивилась жена.

— Вчера меня не было. Ты понимаешь, родная, меня не было. И вообще, я с ними давно по-настоящему не разговаривал. Ты согласишься со мной, Гульнора?— спросил он.

Жена молчала. Но когда он поднял глаза, то увидел, что лицо ее осветила улыбка радости, по которой он так соскучился.

САДОВНИК

Было за городом бросовое поле. И каждый день везли сюда и сваливали городской мусор. Пока не навалили столько, что уже некуда было сыпать. Так и лежало поле никому не нужное, только иногда слеталась сюда черная стая ворон да пробежит от случая к случаю мимо ватага детворы. И вот однажды на поле появился старик с кетменем. Надоело ему, видно, без дела сидеть. Он размеренно, не торопясь, стал выравнивать и вскапывать поле. Закончив эту работу, старик принялся выкапывать лунки, потом носил ведрами с другого поля землю и с речки воду. И в эти лунки он посадил маленькие веточки. Каждое утро старик носил воду, поливал их, пока веточки не принялись. А с приходом зимы каждое дерево он укутал в теплую одежду. На другое лето бросовое поле нельзя было узнать: оно зеленело, радовало глаз. Через два года по весне здесь уже расцвел настоящий сад и к концу лета он дал первый урожай. Абрикосы, яблоки, груши—чего здесь только не было! Вот как хорошо кончается наша сказка. Аи нет! Тут-то все только и началось...

Оказывается, сад надо было зарегистрировать и оградить. Нужно его сдать под охрану. Надо, чтобы в этом саду был грамотный, современный руководитель и, конечно же, талантливые кадры по вопросам экономики, строительства, снабжения, сбыта и так далее.

Через несколько дней после назначения шестнадцать человек вселились в неожиданно быстро построенный корпус, где они разместились сами и разместили необходимую мебель. Расселись прочно и, кажется, надолго. Старик думал-думал и никак не мог понять, зачем нужны эти люди и что они делают целый день у себя в кабинетах. Пока он думал и работал на поле, там в административном порядке решили рассмотреть вопрос о старике. Уволить нельзя, иначе некому будет работать. Но делать же что-то с ним надо...

Пригласили, посадили на стул. Сами расселись за большим столом и спрашивают:

— Старик, зачем тебе нужен такой большой сад? Хочешь быть капиталистом?

— Да не знаю я, что такое капиталист. А сад посадил для людей. Пусть радуются и пользуются его плодами.

— Странный ты, старик,— сказали заседавшие.— А план у тебя есть?

— Какой план?— пожав плечами, спросил старик.

— Сколько ты должен собрать урожая в год с каждого дерева, со всего сада...

— Не знаю,— засмутился старик.— Про план я не подумал...

— Так вот, старик, с сегодняшнего дня это уже не твой сад. Здесь будет институт плодоносящих деревьев. А ты у нас будешь на должности младшего научного сотрудника.

Старик уже не сидел на стуле: поднявшись, он махнул рукой и вышел.

— Вы куда?— спросил вдогонку председательствующий.

Старик ничего не ответил и захлопнул дверь.

— Уволить, немедленно уволить!— крикнул председательствующий.

— Но он не числится в наших штатах,— шепотом сказал один из заседавших.

Старик, так и не поняв, что это за люди и что за непонятные слова говорили они ему, слег. И через несколько дней помер.

На следующий год сад зачах. И никто не мог понять, что случилось с садом. Большие насосы подавали воду из реки, специальные машины опрыскивали плодовые деревья разными растворами, спасая их от вредителей, но ничего не помогало... Тогда на месте сада было построено большое стеклянное здание, на котором повесили вывеску «Лаборатория института плодоносящих деревьев по проблемам сохранения садов».

А вокруг, как и прежде, снова расстилалось бросовое поле...

В РИТМЕ ТАНЦА

Он резко вошел в кабинет, остановился у стола, внимательно осмотрелся и громко сказал:

— Вы меня вызывали?

Я, улыбнувшись, предложил ему сесть.

— Да я тороплюсь,— с волнением проговорил мой новый знакомый.— Вы, наверное, не знаете, что такое вдохновение. Я художник, притом профессиональный, за моими плечами Ленинградская Академия. И если ко мне приходит вдохновение, то я сутками не выхожу из своей мастерской. Хотя она не ахти,— продолжал он,— не ахти какая хорошая. Но ничего, дайте время...

— Вы знаете,— перебил я его,— мы бы хотели с вами посоветоваться. Насчет наглядно-художественного оформления города... Ведь скоро праздник — «Ташкенту — 2000 лет».

— Только не сейчас,— взмолился посетитель.— Позже, сейчас у меня начата работа, и пока я не остыл, не отрывайте, пожалуйста, меня...— Он говорил, вода правой рукой по воздуху, словно держал в руке кисть и перед ним стоял большой мольберт.

— Что ж, хорошо,— решил я.— Насильно мил не будешь. Как закончите свою работу, дайте знать.

Он с улыбкой на лице пожал мне руку и так же, как вошел, быстро вышел из кабинета.

Подготовка к празднику была в самом разгаре. Сроки поджимали, дел изо дня в день прибавлялось. Всюду ощущалось, что город живет в каком-то новом трудовом ритме. Вовсю шел ремонт зданий, приводились в порядок улицы. Замелькали крупные надписи на троллейбусах, автобусах и трамваях: «Городу — 2000 лет».

Каждый житель города жил в ожидании праздника и хотел непременно принять в нем личное участие. На центральном стадионе с утра до вечера проводились репетиции. В дирекции по подготовке и проведению праздника шли непрерывные споры о сценарии, о художественном оформлении праздника. Среди творческих работников мелькало и лицо моего нового знакомого, который ни с кем не спорил, да и вообще не вступал в разговор. Приходил на совещание дирекции, сидел молча и так же уходил. Поэтому я однажды не выдержал и обратился к нему:

— Слушайте, вы же профессиональный художник, и почему-то совершенно не принимаете ни в чем участия.

Он, опустив глаза, как-то смутившись, негромко ответил:

— Вы знаете, меня последнее время преследуют сплошные неудачи, и прежде

всего творческие. Что-то хочется сделать новое, необыкновенное, но не могу нащупать, зацепить. Честно говоря, страшно устал от своей неудовлетворенности.— Говорил он так искренне, с какой-то болью, что присутствовавшие в дирекции товарищи начали успокаивать его:

— Ничего, это бывает. И у Пушкина до Болдинской осени было состояние не лучше...

Он растерянно улыбнулся, взял со стола свою белую кепку и вышел из комнаты. Вечером, после очередного совещания, я в плохом настроении возвращался домой. Пройдя по улице Ленина, повернул на улицу Навои. Навстречу мне, весело разговаривая между собой, шла группа молодых ребят. Среди них я увидел художника. Поздоровавшись со мной, он отстал от ребят.

— Где вы живете?— неожиданно спросил он меня.

— Возле гостиницы «Москва», на улице Самарканд-Дарбаза. Это новый массив Чорсу,— ответил я.

— Хороший массив.— И, чуть помолчав, продолжил:— Знаете, если можно, я провожу вас.

— Хорошо, не возражаю,— согласился я.

И мы вместе зашагали по улице Навои. По пути мы о многом говорили. Наверное, потому, что неожиданно стали понимать друг друга с полуслова.

— Вы вот не творческий работник, вроде бы не художник, не музыкант, а

разбираетесь в вопросах творчества. Откуда вы знаете наш мир?— заинтересованно спрашивал он меня.— Ответьте!

— Вы знаете, обычно люди, работающие в мире искусства, как я понимаю, легко ранимые люди.

— А иначе и быть не может. Хотя, честно говоря, к любой работе надо относиться с душой, как мне кажется.

— Вы очень хотите сделать что-то грандиозное? Не так ли?..

— Угадали,— весело ответил художник.

— Но чтобы что-то создать,— продолжил я,— надо искать...

— Не придумывать что-то непонятное самому себе, а именно искать близкое народу, вернее, доступное и понятное.

— Вы вроде бы не старый, а рассуждаете, как будто прожили целую жизнь.

— Разве дело в молодости или старости. Дело в понимании окружающего тебя мира. И связано, наверно, это прежде всего с твоим отношением ко всему. Если относиться к делу, к людям со всей серьезностью, то можно многое познать, всем сердцем ощутить красоту мира и человека как личность. Хотите, я вам расскажу, вернее, подарю один сюжет. Так вот, мне было лет одиннадцать. Однажды отец взял меня с собой в театр «Бахор». Как сейчас помню, в зале было столько зрителей, что яблоку негде было упасть. На сцену вышла стройная женщина. Музыканты заиграли тогда еще не знакомую для меня прекрасную мелодию «Танавар».

Женщина сняла с пояса красивую косынку и ловким движением рук повязала ее на голову. Медленно вошла она в танец, и движения ее напомнили полет большой сильной птицы. В зале все замерли, так как женщина говорила удивительным языком танца. И тогда она плавным движением подняла руки и резко повернула голову вправо, ее черные длинные косы взметнулись, и все присутствующие в зале повскакивали со своих мест и досматривали танец стоя.

— Вот что значит талант!— глубоко вздохнул я.

— А вы говорите вдохновение. У талантливоего человека оно всегда бьет ключом, всегда тревожит.

— И наша Мукарам-апа Тургунбаева была талантом, поэтому народ ее до сих пор любит и помнит. Вот ее бы написать в вихре танца на большом полотне,— вдруг озаренно произнес я. Словно сделал какое-то открытие.

Мой собеседник шел рядом и, глядя на меня сияющими глазами, громко повторял:

— Вы правы... Как вы правы! Я напишу ее, и знаете как напишу! Еще как напишу!..

Расстались мы довольные друг другом.

До открытия финала праздника на центральном стадионе оставалось дней двадцать. Дел изо дня в день прибавлялось. Начали съезжаться артисты и гости со всех городов страны. Улицы одевались

в праздничный паряд. В театрах шли праздничные спектакли и концерты.

Ежедневно проходили совещания дирекции по вопросам предстоящего финала праздника. Работники дирекции уже не вступали в спор с творческими работниками, и те делали все, что хотели: бегали, строили, доставали, танцевали, прыгали и даже пели.

Дирекция постепенно теряла свои лучшие кадры, творческая же группа сохранила свой состав до конца. Кроме одного профессионального художника. Он отсутствовал. Исчез. Как шутили в дирекции: «Сквозь землю провалился...»

Возможно, и провалился бы, если б не старики и старушки махалля «Кукча», которые неожиданно явились в дирекцию и устроили нам небольшую «взбучку».

— Дорогие вы наши,— ласково обратился старейшина этой махалли.— Да снимите вы и выбросьте подальше замки с театра «Бахор». Там наша Мукарам Тургунбаева со всем своим родным коллективом танцует.

Мы все опешили, не зная, что сказать.

— Не верите?— возмущились старики.— Тогда пошли с нами.

Попробуй откажи старикам, так они быстро кого хочешь на место поставят. Пришлось нам отправиться в театр, возле которого собралась уже немалая толпа.

А вахтер театра дверей не отпирает. Мы ему так и так, а он ни в какую. Пришлось искать директора, чтобы войти в театр. В фойе во всю стену висела картина.

На ней на переднем плане во весь рост в вихре танца «Танавар» жила Мукарам-апа. За ней в ритме танца замерли восточные красавицы, как бы запоминая каждый жест, каждое движение великой актрисы.

За стариками в театр потянулись люди, чтобы увидеть вновь свою любимую артистку.

И по сей день к старейшему театру «Бахор» приходят посетители — поглядеть на неумирающий талант, увидеть и вспомнить свою юность и молодость. Может, поэтому молодые стали назначать здесь свои встречи и свидания.

И я часто захожу в этот театр, смотрю на портрет, и вместе со всеми радуюсь и ощущаю прилив сил для новых творческих исканий.

А как поживает мой знакомый, профессиональный художник? Честное слово, не знаю. Больше с ним не встречался. Да и зачем ему мешать? Он обрел крылья птицы, воспарил и, наверное, приносит новую радость людям.

САД САТТАРА-АКА

В калитку постучали.

Из дома выбежала девочка лет пятнадцати.

— Вам кого?

— Хозяин дома?— У калитки стоял заместитель председателя райисполкома.

— Папы дома нет, а вот дед дома,— приветливо ответила девочка.

— Что ж, дед даже лучше,— сказал Камил Файзиевич и шагнул во двор.

Так в последние годы каждый свой рабочий день он начинал с обхода домов, подлежащих сносу. Это ему нравилось, так как кругом шла большая, кипучая стройка. Город менял свой облик на глазах. И часто, отвечая на вопросы жителей района, он приводил десятки примеров. «Вот взять, к примеру,— говорил он,— Октябрьский район нашего города. Это крупная строительная площадка. Вон какие здания отгрохали, которые раньше и во сне не снились. Только за последние годы выросли массивы Ц-26, Ц-27, украсился район Дворцом пионеров, гостинницей «Чорсу», Домом кино...» Одной из самых трудных проблем Камил Файзиевич считал снос старых домов.

— Входи, сынок, гостем будешь,— сказал, выходя навстречу, Саттар-ака.

Саттар-ака усадил Камилу Файзиевича за стол. Девочка быстро подала чай, горячие лепешки.

Жил Саттар-ака с внуком и двумя правнуками — трое сыновей не вернулись с фронта. Дом был ветхий, латанный-перелатанный, как старый чапан.

«Легче новый постронть»,— подумал Камил Файзиевич, рассматривая потолок комнаты.

Старик, подавая пилу крепкого чая, тоже оглядел потолок, пожал плечами, сказал с улыбкой:

— Да, этому дому столько лет, сколько мне самому. Сносить надо!

— Откуда же вы знаете, по какому вопросу я к вам пришел?— поинтересовался зампред.

— Вчера заходил ко мне председатель нашей махалли и сказал, что в связи со строительством нового жилого массива наши дома будут сносить,— медленно говорил старик.— И нам предлагают квартиру в высоких домах. А на нашей улице будут такие же красивые дома, как на Алмазаре.

«Да,— подумал Камил Файзиевич,— какое огромное мы дело делаем. Люди видят, знают и благодарны за это».

— Правильно, нужно ломать старое и стронть новое,— продолжал Саттар-ака.

— Вот и хорошо, Саттар-ака, пришлите, пожалуйста, завтра внука в райиспол-

ком — пусть оформляет ордер на новую квартиру!

— Спасибо, сынок, обрадовал. Только вот беда...

— Какая беда?— обеспокоился Камил Файзиевич.

— У меня тут виноградник, не пересаживай его сейчас.

— Да, жаль,— призадумался Камил Файзиевич.

...Не прошло и недели, как Саттар-ака с семьей переехал в новую четырехкомнатную квартиру. Радовало здесь старика все: и теплая ванная, и паркетные полы, и то, что первый этаж. Только переживал он за свой виноградник. Связано это было с давней историей.

В 1945 году вернулся Саттар-ака с фронта. Шесть месяцев, что провалялся в госпиталях, показались для него столетием. Две тяжелые раны, полученные в боях, плохо заживали. Вскоре умерла жена, Карамат-апа. Умерла, так и не сказав мужу о том, что получила на каждого сына по похоронке.

Рядом с больницей был детский дом. Лежа у окна, он подолгу смотрел на играющих детей и думал: «Будь проклята, эта война! Сколько горя она принесла».

Когда дело пошло на поправку, он несколько раз заходил в детский дом с просьбой дать ему на воспитание одного мальчика. Но получил отказ. После выздоровления ему предложили работу в детском доме заведующим хозяйственной частью. Он согласился. Возвращался до-

мой поздно. Да и что было делать ему, одинокому человеку, дома? Его очень радовало, что дети быстро к нему привыкли. Да и он без них уже не мог. Только беспокоило его одно: врачи часто говорили, что детям не хватает витаминов, сахара. Тогда и посадил он у своего дома двенадцать кустов винограда. Уже через два года они дали хороший урожай. Не для него — для ребятишек из детского дома.

Забот у него прибавилось. Но эти заботы доставляли огромную радость. Как-то осенью 1949 года приехала навестить его невестка Санобар. Он сразу понял, что плохо внуку в ее новой семье. И тогда Саттар-ака привез Ульмаса к себе.

Каждую гроздь винограда он тщательно укладывал в корзину и нес через весь старый город своим детям в детский дом. А сколько их у него! Письма от бывших воспитанников приходили из разных городов. Как-то в одном из писем даже прочитал такие строки: «Мы будем помнить вас всегда, наш милый дедушка Саттар-ака, и чудный виноград, который подавали нам с лепешками с утра».

Теперь, перебравшись на новую квартиру, Саттар-ака ежедневно ездил к своему старому дому. Дома уже не было. Кругом разворачивалось большое строительство. Но виноградник был не тронут. Под ним приотилась столовая для строителей. Саттара-ака радовало то, что строители не оставили без внимания зеленые насаждения. Виноградник был хорошо ухо-

жен и поднят выше на новые металлические опоры. К нему был подведен в лотках арык с журчащей водой.

Через год, когда сдавали новые дома в эксплуатацию, получил приглашение и Саттар-ака. Кругом был праздник. Под звуки веселого оркестра в новые благоустроенные квартиры въезжали новоселы. После небольшого торжественного митинга Саттар-ака встретился со своим старым знакомым — Камилом Файзиевичем.

— Как видите,— просто сказал он,— мы сумели сохранить ваш виноградник, обойти его стороной. Даже в план строительства внесли небольшое изменение. Теперь жители массива называют его садом Саттара-ака...

МОИ ПЕРВЫЙ ГОНОРАР

Наверно, дорогой читатель теперь знает, что такое биржа труда. А тогда, лет десять-пятнадцать назад, и слышать никто этого не хотел. Говорили, у нас нет и быть не должно безработицы. А куда, вы скажите, мне было деваться? Зарабатывать на заводе ну просто не давали. Был у нас самодур-директор, который уперся в глупое свое положение, как это у него, мол, рабочий будет зарабатывать больше, чем он — генеральный директор. Ему было наплевать, что у меня отец — фронтовик, в госпитале по два-три месяца лежит. Мать совсем больная, нетрудоспособная. Да к тому же семь братишек и сестреночек, и все еще учатся. А я только месяц как вернулся из армии. Стоял уже жаркий июнь, а я все еще не сменил военную форму на гражданскую, потому что ее попросту не было у меня. И тогда я решил в воскресный день впервые пойти на «биржу труда».

Стою на известной в городе площади, у известного памятника, с сумкой в руке, а в сумке — ножовка, рубанок, молоток. вдруг вижу: все побежали на другую сто-

рону площади. Спрашиваю: что там случилось? А мне говорят: беги, пока не забрали. Спрашиваю: кто? Говорят: милиция. Я так расхохотался, что в животе закололо. А тут ко мне старик привязался:

— Сынок, поехали, работа у меня легкая. Хорошо заплачу.

— Ну что ж, если хорошо заплатите,— посхали,— согласился я, и мы пошли на остановку.

Ехали, как помню, долго, потом немало прошли пешком. Наконец вошли во двор, и я прикусил язык... Это был не просто двор, а дворец: с балаханой, с большим цветником, гаражом, где стояла машина. Но лежала на всем этом какая-то печать запустения и неухоженности.

— Сейчас, сейчас мы попьем чайку и перекусим чего-нибудь,— сказал старик.

Выпив по чашке чая, мы вышли со двора и, перейдя дорогу и журчащий арык, остановились. Старик, положив на обочину тляку и сумку с едой, сказал, обводя вокруг рукой:

— Вот, сынок, наше поле. Надо разрыхлить землю и очистить от сорняков. Да не повреди корни и побеги. Огурцы уже отцвели, через месяц можно будет снимать урожай.

Я никогда не занимался земледелием, но что поделаешь: назвался груздем, полезай в кузов. Сняв военную форму, сапоги и взяв тляку, приступил к делу. Старик ходил следом за мной и давал указания. Я уже не помню всего, что он рассказывал. Помню лишь, что он мне понравился своей добротой, приветливостью.

К вечеру я не мог разогнуть спину. Искушавшись в журчащем арыке, я вновь облачился в свою солдатскую форму. После захода солнца мы сидели за дастарханом. Ужин приготовила внучка старика — Зумрад.

— Что ж, теперь надо с тобой рассчитаться,— сказал старик и, достав из-под низкого столика мешочек, похожий на кисет, стал вынимать деньги.

Сперва он положил на стол три рубля, потом рубль, затем двадцать, пятнадцать, пять, три, остальные — по две и по одной копейке. Вскоре передо мной лежала горка медных денег.

— Вот тебе за сегодняшнюю работу шесть рублей, сынок,— закончив считать, улыбаясь, сказал старик.

«Да, уж больно много денег»,— почесав в затылке, подумал я и повторил это вслух.

— Отец, извини, я пошел, а деньги эти оставь себе, больно их много. Боюсь, не донесу.

Встав из-за стола, я пошел со двора. Выйдя на улицу, я остановился — не мог сразу сориентироваться, куда, в какую сторону идти. И тут услышал голос старика:

— Сынок, вернись. Я прошу тебя, вернись. Зачем обижаешь? Я тебе объясню все,— положив руку на плечо, просил старик.

Пришлось вернуться. За столом он низко опустил голову и прослезился.

— Видишь ли,— глядя на меня, рассказывал старик,— пойми меня правильно. Год назад в катастрофе погиб мой сын с женой и внуком. Я бы не выдержал этого, если бы не внучка Зумрад. Она учится в десятом классе... Очень хорошая, умная, добрая, на покойную мать похожа. Дай ей бог здоровья. Я сегодня весь день за тобой наблюдаю. И мне нравится твое воспитание, твой характер. Мне кажется, ты очень порядочный человек. А моя внучка... Если она понравится тебе, то мы бы сыграли свадьбу. Лучше тебя зятя мне не найти. А после свадьбы я уеду в Намаган, там у меня все родные. Пожалуйста, не обижайся на меня, но хозяйство у нас, как видишь, немаленькое, а я стар и не осилю работы. Вот и виноград в прошлом году не смог собрать весь. Так и остался под снегом на зиму. Хорошо хоть зима была теплая, а то померз бы виноградник, потому что некому было утеплить его...

К нам подошла девушка лет шестнадцати-семнадцати. Старик попросил собрать посуду со стола. Девушка молча сложила тарелки, чашки и понесла их на кухню. Дед налил мне пилалушку зеленого чая и похлопал меня по плечу.

— Знаете что,— прервал я молчанье,— между нами говоря, вашей внучке еще рано выходить замуж. Торопиться в этом деле нельзя. Да и насильно мил не будешь, отец. Я здесь не подхожу.

— Почему ты так говоришь?— прервал меня старик.

— Я для нее стар, отец. К тому же у

меня братишек четверо. Может, кто из них и женится. Так что где гарантия, что мы не будем родственниками,— пошутил я.— Ну что ж, отец, спасибо вам за внимание, за угощение. Пора мне. Завтра на работу с утра.

— До свидания,— сказал старик.

И вдруг я услышал голос девушки:

— Спасибо и вам, ака. Вы на дедушку не обижайтесь, хорошо?

— Хорошо,— ответил я, закрывая за собой калитку.

Прошел год, заполненный работой и учебой. Днсм я на заводе, вечером в университете. К тому же назначили меня начальником цеха, да еще возложили на плечи общественную работу. Естественно, дел невпроворот.

Весной наш мастер цеха, молодой парнишка Рустам женился. И пристал ко мне с просьбой:

— Будьте на моей свадьбе дружкой.

Объяснил я ему, что не могу быть дружкой. Ведь по обычаю на свадьбе рядом с женихом должен сидеть женатый друг. А он ни в какую: вы и только вы, мол. Договорились, что в ЗАГС я еду как самый лучший друг, а на свадьбе рядом с ним пусть сидит другой. Что ж, договор дороже денег. И покатали мы семью машинами к невесте. Въехали на улицу невесты, а у меня сердце в пятки: неужто, думаю, к старику едем? Так и есть, оказывается! Выходим, жениха друзья кольцом окружили, чтоб его не было видно. А я к калитке знакомой иду. Вдруг на мое плечо

опускается рука старика. Обнимая меня, он громко говорит:

— Я знал, знал, что это будешь ты. Люди, аллах услышал мою просьбу. Лучшего зятя мне не найти. Спасибо аллаху за милосердие...

Я действительно был одет как подобает другу жениха, вот окружающие и подумали, что я приехал за своей невестой. Я оказался в труднейшей ситуации. Старик от радости прищелкивал пальцами и прищипывал.

— Отец,— сказал я,— как видите, я свое обещание выполнил. Вот мой братишка — Рустам. Он моложе меня и красивее. Он любит вашу внучку, и она его любит. Пусть молодые едут в ЗАГС, а мы посидим с вами, отец. Нам есть о чем поговорить,— целый год не виделись.

Старик расстроено опустил голову, а потом обратился ко мне:

— Это действительно твой братишка?

— А чей же?— рассмеялся я.— Конечно, отец. Все мы в этом мире братья. Пожелайте счастья молодым...

Раздались гудки автомашин, и вся кавалькада двинулась в ЗАГС. А мы сели со стариком за низенький столик, пили чай и долго-долго разговаривали. О чем? О жизни, конечно...

ПОЭТ

В одном селении жил юноша. Он был единственным сыном в семье, и родители делали все, чтобы он учился и просвещенных людей и вырос достойным человеком. И еще они очень надеялись, что их сын станет поэтом. После окончания учебы юноша два года корпел над своими дастанами, однако никто почему-то их не хотел читать и слушать...

Однажды в селение, где жил этот юноша, пришел караван. Узнав об этом, юноша решил поговорить с путниками из дальних стран.

В шумном дворе караван-сарая кипели громадные самовары, стояли большие котлы. На больших деревянных кроватях с красивой резьбой, весело шутя, сидели уставшие путники и пили ароматный чай.

— Кого вы ищете, юноша?— спросил чайханщик.

— Я ищу людей из каравана,— волнуясь ответил парень.

— Проходи, проходи сюда, дорогой,— громко позвал его высокий человек с седыми висками и седой головой...— Проходи,

садись рядом на супе и рассказывай, кто ты такой, зачем явился.

Юноша, повинаясь его голосу, присел на кровать рядом с незнакомым человеком.

— Вот тебе, юный друг, пиала ароматного чая,— дружески сказал мужчина.— Я готов выслушать тебя...

— Спасибо большое. Мне хотелось поговорить с кем-нибудь, кто пришел в наше селение сегодня с караваном,— ответил юноша.

— Говори со мной, юноша. Я караванщик, веду караван через пустыню в большие города,— усаживаясь поудобнее, сказал мужчина.

На супе за праздничным дастарханом сидели человек десять погонщиков. Лица их были выдублены солнцем и втрами. Юноша, рассматривая их, молчал, словно проглотил язык.

— Что же ты молчишь, наш юный друг? Гостю не подобает молчать,— заметил седовласый, на что все сидящие с одобрением покачали головой.

— Я поэт,— смущенно начал юноша.— Правда, еще начинающий. Хотел послушать о странах, в которых вы бывали, об интересных встречах и историях...

— Ты правильно сделал, что пришел. Поэту надо знать много, больше, чем нам, простым смертным. Только вот как я думаю со своими друзьями: хороший рассказ — это неплохо, а дорога — лучше. Человек, познавший тяготы пути, становится добрее, мудрее других. Он не похож

на обычного человека, который живет в селении и нигде не был.

— Вы правы, отец,— сказал один из собеседников.— Человек, взявший в руки перо, должен прежде всего познать жизнь. А разве можно познать жизнь, сидя на одном месте? Только познавший дорогу познает добро и зло, плечо друга, чувство Родины, родной земли и материнского очага.

— Вот видишь, юный друг,— сказал караванщик,— так думем мы все. Вот тебе и совет. Собирайся с нами завтра в путь. Увиденный своими глазами мир не повторим и в десять раз более красочен, чем в любом пересказе.

На другой день, ранним утром, не попрощавшись с отцом и матерью, юноша ушел с караваном в дальние страны. Для него этот путь был началом новой жизни. Он видел брошенные людьми селения, крепости, государства. Одни были уничтожены войнами, другие оставлены из-за того, что изменились, ушли в сторону караванные пути. Он словно ощутил, как неторопливо протекали столетия.

Два года юноша странствовал с караваном. К нему привыкли, никто не обижал его, все старались рассказать ему что-нибудь интересное и даже освободить от тягот долгой и трудной дороги. Караванщик гордился тем, что среди них живет поэт, и надеялся, что скоро он напишет удивительные стихи или дастан и поразит всех. А может даже, имя его прогремит по всему свету.

Но шло время, а юноша ничего не писал. У него не получались ни дастан, ни стихи. И когда караванщик однажды спросил, когда же, сынок, ты прочитаешь нам свои стихи, юноша, опустив голову, молчал.

— Ну, ничего,— одобрил добрым голосом караванщик.— Писать стихи — очень трудное дело, сразу они на свет не являются, да и не каждому это дано. Нам некуда торопиться. Путь, который ты избрал, нелегкий, но я уверен, что придет время и проснется в тебе вдохновение. Обязательно проснется, я всем сердцем чувствую, и ты, как сильная птица, расправишь крылья. Тогда — о небо! — ты узнаешь, что такое полет души, сила и красота слова.

Юноше нечего было сказать. Ему было стыдно перед караванщиком, ему хотелось провалиться сквозь землю, закопаться в горячий песок за свое неумение выразить словом то, что он увидел и узнал. И когда на следующее утро караван продолжил свой путь, юноша остался в безлюдной местности у небольшого колодца.

Через каждые два-три дня к колодцу подходили один за другим караваны. Люди, сопровождавшие караваны, говорили на разных языках, незнакомых для юноши. Встречая и провожая караваны, он все чаще думал о родном доме, ему хотелось в свое родное селение. Он вспоминал имена своих друзей, цветение абрикоса, граната, вкус воды из реки, которая протекала возле их дома. «Так вот почему,—

думал он,— люди укрепляют стены и башни вокруг своих селений. Чтоб об их твердыню разбивались набеги кочевников». Его интересовало, какая же сила хранит родную землю от разорения и забвения. Этого он не знал, не понимал. Не знал он, и как быть дальше.

Вскоре он собрался в путь и с восходом солнца ушел в пустыню. Через четыре дня у него иссяк запас воды. И ночью, сидя у небольшого костра, он в отчаянии подумал, что из пустыни он никогда не выйдет. Где-то совсем рядом раздавались щелканье и завывание шакалов. Юноша не плакал, потому что он познал уже трудности дальнего пути, познал пустыню и жизнь людей, живущих в ней. Он терпеливо ждал у костра восхода солнца. И оно взошло, как обычно восходит каждый день.

Собравшись из последних сил, юноша шел один среди песчаных барханов пустыни, словно чувствуя, что где-то среди безжизненного пространства есть клочок земли, где плещется родниковая вода, цветет земля.

Надежды оправдались: пустыня оборвалась, и перед ним возникла зеленая полоска земли. Ему хотелось кричать, но не хватало сил шевельнуть пересохшими губами. От увиденного кружилась голова, силы покидали его... Упав на горячий песок, он долго и неподвижно лежал и думал о своей матери, об отце, с которыми перед отъездом не попрощался. «Что же теперь поделаешь?— думал он.— Где взять силы, чтобы дойти, доползти до этого зеленого

кусочка земли?» Он открыл глаза,— солнце было высоко над головой.

— Я всю ночь ждал твоего восхода,— сказал вслух юноша,— а ты, поднявшись высоко в небо, решило не выпускать меня из пустыни. Но нет, светило жизни, я человек. Пока есть силы, и воля есть, ты слышишь, есть! А значит, я буду биться за каждый миг, за каждый час своей жизни.

Он полз и говорил:

— Ах, как прекрасна жизнь. Теперь я это понимаю. Я знаю её цену.

Он говорил так и полз и вдруг почувствовал прохладу под собой. Зеленая трава росла в протоке небольшого ручейка...

Юноша, разглядывая прозрачный ручеек, думал, как интересно и сложно устроен мир, как неразрывен человек со всем, что его окружает.

— Куда же ты, ручей, меня сегодня приведешь?— шепотом спросил юноша.

Идя по течению ручейка, юноша увидел небольшой дом, возле которого девушка снимала седло с белогривой лошади. Из дома, кашляя, вышел старик со словами:

— Ой, дочка! Разве так можно скакать? Так и лошадь можно загнать. А это кто к нам пожаловал?— увидев юношу, спросил старик.

Девушка, опустив седло на землю, с удивлением смотрела, как шел, шатаясь из стороны в сторону, обросший, в разорванной одежде, человек

Подойдя ближе к дому, юноша сначала опустился на колени, а потом и вовсе повалился на свежую, зеленую, мягкую траву.

— Видать, дочка, этому человеку пустыня подарила вторую жизнь. Ну-ка, доченька, принеси ему что-нибудь, подстели, а то в доме душно. И воды не забудь,— говорил старик.

На другой день юноша узнал, что здесь было раньше большое селение, но пришли кочевники, сожгли дома, а всех жителей угнали в рабство. В живых осталось не так уж много людей, но и они ушли из этих мест в поисках счастья. Только старик с дочерью и остались, надеясь, что жители селения вернуться. Но они не возвращались.

— Возможно, поэтому,— говорит старик,— вода в роднике стала исчезать и пустыня стала постепенно проглатывать этот когда-то большой оазис.

Через несколько дней юноша окреп и рассказал старику и его дочери о всех своих приключениях.

Шло время, юношу научили скакать на лошади, скирдовать сено, пахать землю и еще многому другому. Его интересовало все: границы селения, сколько человек жило здесь, кто чем занимался. И когда он узнал, что у жителей селения был общий сад и все пользовались его дарами, ему захотелось увидеть этот сад.

Старик привел его в опустевший сад, где большинство деревьев засыхало, потому что им не хватало воды. Сад был раз-

бит на пять рядов, и в каждом ряду росло по триста деревьев. Осмотрев сад, юноша сказал старику:

— Теперь, отец, у меня есть дело. Пока не дадут урожай все деревья этого сада, я не покину ваш край...

До осени юноша расчистил ручей, привел в порядок родники, очистил сад от сушняка. И пустыня отступила... Но юноша не унимался, он помнил данное слово.

Четыре года подряд цвели и давали урожай деревья большого сада. Но не все, не все... Очень трудно отходили они от безводья и жажды. И все же... В селение стали приходить караваны и возвращаться люди — жители этого селения. И лишь на пятый год зацвел весь сад, все пять его рядов. И все триста деревьев в каждом ряду. Не знаю, написал ли юноша дастан об этом, но что он стал поэтом в своем деле, нет сомнения.

РИСУНКИ ДОН-КИХОТА

Солнце было в зените, когда директор завода Анатолий Михайлович вместе со своими сотрудниками подъехал к усадьбе управления колхоза. Решался вопрос о выделении заводу десяти гектаров бросовых земель для строительства зоны отдыха. Председатель колхоза раскрыл карту колхоза и стал карандашом обводить территорию, предназначенную для заводчан. Для решения вопроса пришлось вызвать агронома. В кабинет вошла женщина лет тридцати пяти со строгим лицом.

— Наташа, это ты?— вдруг поднялся с места Анатолий Михайлович.

— Да, это я,— улыбулась агроном.

— Здравствуй, родная! Как давно мы с тобой не виделись,— покачал головой директор.

— Ты прав, Толя, лет десять, наверное,— согласился агроном.

— Ну, вот и прекрасно,— привстал с места председатель.— Если наш партнер — директор завода не женат, то мы сразу сыграем свадьбу. И объединим наши коллективы — завода и колхоза. Вы знаете, в старину,— продолжал он,— что-

бы государства не воевали между собой, правители выдавали своих дочерей замуж за заморских царей...— Он рассмеялся, поперхнулся и пробормотал:— Старость не радость.

— Да женат он, и давно,— весело подхватила Наташа, так что от ее строгости ничего не осталось.— Мы с Толей выросли на одной улице, в одном доме. И даже учились в одной школе.

— Правда, в разных классах,— уточнил Анатолий Михайлович.

В течение часа был составлен протокол совещания, обговорены сроки освоения выделенной земли заводом и многие другие нужные вопросы.

Уезжая, Анатолий Михайлович несколько минут поговорил с Наташей. Она была действительно искренне рада встрече. Рассказала о смерти мужа, о единственной дочери. Сказала, что все знает о нем, о его успехах и трудностях,— несколько раз ездила на завод, но, не зайдя к нему, возвращалась домой.

Он был расстроен...

— Ты с ума сошла! Была на заводе и не зашла. Ты уж прости меня, но оправданий здесь нет. Но знаешь, я часто о тебе думал, особенно почему-то в последние годы. Береги себя. И очень прошу тебя, если что, хоть позвони.

Так и уехал он чем-то потрясенный, а сотрудники всю дорогу над ним подшучивали:

— Анатолий Михайлович, вас как будто подменили.

Председатель колхоза ложился спать поздно. Дом его всегда был открыт для друзей и соседей, заходили то поговорить, обсудить новости, а то и в шахматы сыграть.

В этот вечер к нему заглянул друг детства, начальник районного отделения милиции, тоже большой любитель шахмат. Было уже за полночь, когда к председателю постучалась соседка агронома.

— Кто там?— открыв окно, громко спросил председатель.

— Да это я, баба Шура. Вы здесь в шахматы играете, а Наташи все нет и нет. Дочку оставила мне, сказала, что ушла к подруге. Никогда она так поздно не задерживалась. Я волнуюсь...— сбивчиво говорила соседка.

— Заходи в дом, подумаем что делать.

— Сейчас позвоним в милицию,— предложил товарищ председателя.

— Ты погоди, погоди, Володя, так сразу и в милицию... Мне кажется, я знаю, где она сегодня,— почесав затылок, сказал председатель.

— Где?— с волнением спросила вошедшая в комнату баба Шура.— Ну, где же?..

— Сегодня с завода приезжали. Так Наташа, оказывается, с директором этого завода училась в одной школе.

— Ну и что из этого?— не поняла баба Шура.

— Да ничего. Давай подождем. Иди домой. А через пару часов, если ее не будет, что-то делать будем. А сейчас нам не мешай, партию надо доиграть.

— Погоди. Главный агроном колхоза пропал, а ты «пару часов»... Что за директор у тебя сегодня был?— стукнув кулаком по столу, начальственным голосом спросил друг председателя.

— Да что ты разоряешься?— удивился председатель.— Ну и был, был. А может, я ошибаюсь...

— Видите ли, ошибается он,— сказал друг председателя, поднявшись из-за стола и выйдя в прихожую, откуда он стал звонить по телефону дежурному по району...

Анатолий Михайлович, закончив разбигать накопившуюся почту, собирался ложиться спать. День у него сложился на редкость удачно. Да еще Наташа... Встреча с ней пробудила в нем воспоминания о трудном послевоенном детстве. «Почему же у нее, такой красивой, умной, не сложилась личная жизнь? Ладно у меня. Если бы не дети, Верка и Сашок... Как мне без них жить?»

Размышляя, он вышел на балкон и закурил, когда в дверь его квартиры постучали. «Неужто на заводе что-то случилось?»— подумал он, так как стучали необычайно требовательно. От этого стука проснулась вся семья. Он открыл дверь, и в прихожую вошли два милиционера. Один из них, повыше ростом, резко обратился к директору:

— Вы не знаете, где может находиться агроном колхоза Наталья Сергеевна?

Анатолий Михайлович пожал плечами и в свою очередь с тревогой спросил:

— Что с ней? Что случилось?

Участковые переглянулись и, перебивая друг друга, сбивчиво стали объяснять, что поручено привести его в отделение.

— Конечно же, я сейчас оденусь,— сказал Анатолий Михайлович.— Надо ее искать. Что же с ней?

Около трех часов ночи в отделении милиции был один дежурный. Анатолия Михайловича попросили войти в небольшую комнату, где были только стол и стул. Дали чистые листы бумаги, авторучку и попросили написать объяснительную, где он находился, что делал сегодня с 19 часов вечера до 2 часов ночи. Анатолий Михайлович, выслушав это, возмущился.

— Слушайте! Вы что, с ума спятили? Надо ехать в колхоз. Если ее нет, надо искать. А уже потом будем заниматься объяснениями.

— Вы здесь не горячитесь, не на заводе у себя, а спокойно садитесь и пишите,— сказал дежурный и закрыл за собой металлическую дверь.

Анатолий Михайлович впервые оказался в такой дурацкой ситуации. Он сел за стол, взял ручку, не зная, что писать, что делать. Вот еще нелепость... Два человека говорили в нем... И если первый возмущался, то второй успокаивал...

Первый: почему мои мечты не сбываются?

Второй: неправда, мечты почти всегда сбываются... К примеру, производственные.

Первый: производственные, возможно, но они большим трудом даются. А вот в

личной жизни... Счастлив разве я? Сплошные упреки... Постоянно в напряжении, живу со всеми в несогласии...

Второй: сам виноват, наверное...

Первый: в чем виноват?

Второй: жил бы как все живут. Не ставил перед собой недостижимых целей...

От этих мыслей у него разболелась голова. Он взял ручку и стал рисовать лошадь и ослика. Потом на лошадь и ослика посадил наездников. Первому, сидящему на лошади, дал в руки копьё, перед ними поставил ветряную мельницу.

«Что же с Наташей?— думал он и машинально начал рисовать второй лист.— Дорогая ты моя, лишь бы все обошлось...»

Он так увлекся, что, кажется, забыл обо всем на свете. Вскоре все листы были в набросках...

Утром металлическая дверь со скрипом открылась, и вошел дежурный.

— Ну что, успели написать?— спросил он.

Анатолий Михайлович молчал. Он чувствовал себя униженным и оскорбленным, силы его иссякли. Пришло ощущение, что в нем что-то лопнуло и что он сам себе не принадлежит. «Неужто я и впрямь никогда не принадлежал сам себе?»— подумал он.

— Встаньте и пройдите к начальнику,— командным голосом произнес дежурный.

В просторном кабинете у большого стола стоял, держа руки в карманах, подполковник милиции.

— Что, товарищ директор, как провели ночь?— спросил он.

Анатолий Михайлович молчал.

— Вам как руководителю не полагается так себя вести. Мы по ночам должны искать вашу подругу детства...

У Анатолия Михайловича от этих слов закружилась голова.

— Что ж, сейчас узнаем у председателя, явилась она домой или нет,— продолжал подполковник.— Неторопливо набрав номер, он сел и стал говорить по телефону.— Слушай, дружище, как там у тебя? Явилась агрономша?

Председатель колхоза, проводивший ежедневную пятиминутку, с волнением в голосе ответил:

— Да, все в порядке. Она здесь. Жива, здорова. Оказывается, вчера ходила на двухсерийный фильм. Аппаратура у них забарахлила. А народ не расхотелся. Ждали, пока отремонтируют, вот и явилась за полночь...

— А что нам теперь делать с твоим директором?— спросил подполковник.

— Каким директором?— недоуменно спросил председатель.

— Директором завода. Мы же его всю почку у нас продержали...

— Ты что, спятил, при чем здесь он? Да разве так можно?— возмутился председатель.

— Ты же сам сказал, я и принял меры,— продолжал подполковник...

— Дурак ты, Володя,— в сердцах сказал председатель и бросил трубку.

Анатолий Михайлович сидел на стуле,

опустив голову. Дежурный принес испи-
санные им листки подполковнику.

— Что это?— не понял начальник.

— Да это объяснение задержанного,—
ответил дежурный.

— Неплохо рисуете... Значит, не зря
ночку провели.

Они еще «беседовали», когда дверь
резко открылась, и в кабинет торопливо
вошли председатель колхоза и Наташа.

— Что это ты человека-то обидел?—
размахивая руками, возмущался предсе-
датель.

— Что с тобой? Подними, пожалуйста,
голову,— Наташа кинулась к Анатолию
Михайловичу.— Ты что, родной мой, пла-
чешь, что ли? Ты что? Я и не знала, что
у тебя так много седых волос...

Анатолий Михайлович продолжал си-
деть с опущенной головой и молчал.

— Да что же это такое, Толя?! Ты бы
врезал им как следует!— разревелась сна.

— Наташа,— подняв голову, тихо об-
ратился к ней Анатолий Михайлович.—
Ты не кричи, знаешь, у меня нет сил, ни-
каких сил... Что-то сердце... Нехорошо...

Председатель колхоза, взяв Анатолия
Михайловича под руку, вышел с ним на
улицу к машине.

— Не обижайся на меня, дорогой
друг, не со зла я сказал ему, что Наташа
с вами. Не со зла. Я же не знал, что он
такой дуболом. Черт его знает, как это
вышло,— оправдывался председатель.

Дома Анатолия Михайловича ждала
вся семья.

Жена встретила его криком:

— Говоришь, совещания, планерки, а ты, оказывается, любовницу завел?

Он вошел к себе в комнату, закрылся на ключ и час пролежал на диване, закрыв глаза. Потом достал свой потертый чемоданчик, уложил необходимые вещи. Вышел в коридор, поцеловал дочку и сына... На лестничной клетке ему вслед кричала жена:

— Ну и уходи! Давно тебе нужно было уйти! Только не надейся, алименты я с тебя все равно сдеру!..

Он остановился между пролетами этажей, поднял голову и ответил:

— Детей я не брошу, не волнуйся...

Через месяц его поведение обсуждали на заседании парткома. После чего он подал заявление об увольнении по собственному желанию и улетел на Дальний Восток, на завод по переработке рыбы. Еще через месяц к нему уехала Наташа с дочерью.

Председатель колхоза поссорился со своим другом подполковником и, кажется, навсегда, хотя тот получил очередное звание и новое назначение.

Рисунки Анатолия Михайловича каким-то образом попали в колхозный музей, и под ними сделана надпись: «Размышления неизвестного художника».

ДВА ДУТАРА

С места происшествия уезжали пожарники, расходились люди. Пожар был потушен.

— Оставьте меня в покое,— размахивая руками, резко говорил директор завода.

— Разрешите, очень прошу...— не унимался старик.

Ему было лет семьдесят. Изношенный чапан, выгоревшая от солнца тубетейка придавали ему вид веселого актера. Широкая, добрая улыбка на лице говорила о многом и прежде всего о том, что он никогда в жизни не унывал. Обычно таких людей в народе называют Насретдином. Его веселость и находчивость всегда доставляют людям радость.

— Послушайте! У нас, видите, был пожар, несчастье. Видите или нет?— раздраженно пояснял директор.

— Вижу, еще как вижу. Но все страшное уже позади. Теперь надо думать, как жить дальше. Вот только дерево очень жалко, просто сердце болит,— ласково продолжал спорить старик.

— Черт его знает, шутит он, что ли?

Какое ему дерево жалко стало?— обратился к людям директор.

— Он просит дерево, которое у нашего склада растет. Его пожарная машина при развороте повредила. Конечно, жаль. Хорошее дерево, но что поделаешь? Темно было,— хриплым голосом дал разъяснение один из рабочих, участвовавший в тушении пожара.

Директор, почесав в затылке, спросил:

— Дедушка, может, оно еще выживет? Пусть растет...

— Нет, сынок,— не успокаивался старик.— Оно пропадет, а я хочу продлить его жизнь.

— Как продлить? Срубить и потом продлить?— удивленно глядя на старика, спросил директор.

— Очень просто, сынок... Из этого дерева, пока оно еще живо, я смастерю два красивых мелодичных инструмента — дутара. Иначе, сынок, поверь мне, высохнет дерево и пойдет на дрова. Тебе и мне потом стыдно будет.

Директор, посмотрев на всех собравшихся и как бы говоря сам с собой, продолжил:

— Говорите, на дрова пойдет? Не хотелось бы, не хотелось бы... Ну что, товарищи,— вдруг обратился он к окружающим,— подарим деду дерево?

Все молчали.

Старик, поправив на голове тубетейку, тихо сказал:

— Не хотите, как хотите. Я хотел как лучше. Пойду я, у меня и без вас дел хватает...— с обидой закончил он.

— Подождите, дорогой вы наш,— остановил старика директор.— Если можно дать умирающему дереву вторую жизнь, что ж, тогда рубите.

Окружающие с возмущением обратились к директору.

— Что вы делаете, такое дерево разрешаете рубить?

Директор, только что прибывший к месту пожара, подойдя к дереву, положил ладонь на обгоревший ствол и мысленно обратился к дереву: «Ты уж прости меня, не уберегли тебя. Прав старик, уж больно сильно тебя повредили».

Дерево от сильного удара пожарной машины стояло наклонившись, с перебитым стволом, с опаленной кроной. Конечно, ему было уже не жить...

...Шло время. О пожаре давно уже забыли. Только временами директор чувствовал на себе недобрые взгляды некоторых сослуживцев.

Как-то он спросил одного из них:

— Скажите, что произошло? Что-то вы ко мне стали относиться не так, как прежде?

— Вы совершенно правы!— ответил сотрудник.— И не только я один,— с иронией продолжил он.

— Почему же?— с волнением спросил директор.

— Будто бы вы сами не знаете? Дерево виновато, дерево!— крикнул сотруд-

ник.— Его посадил сам Ильхом Ибрагимович! А вы — срубили! Добрый какой на-шелся!— разгорячился сослуживец.

— Но оно же было повреждено,— виноватым голосом проговорил директор.

— Не вами оно было посажено, и нечего было лезть. Оно было посажено Ильхомом Ибрагимовичем,— не унимался противник.

— Вы, может, и правы, но за последний год на заводе посажено двести штук саженцев. Да и потом, я не мог отказать старику, который обещал продлить жизнь дереву. Только поэтому я и разрешил...

— Ради продления жизни дерева? А может быть, вы продлите жизнь Ильхома Ибрагимовича?!— с прощней улыбнулся сотрудник и вышел из кабинета.

Директор долго смотрел на поверхность длинного полированного стола для проведения заводских планерок. «Интересно, а где сидел этот великий человек — Ильхом Ибрагимович? И вообще, что он из себя представляет?»— вдруг подумал он.

В кабинет вошла секретарша:

— Вас просит к телефону Ильхом Ибрагимович,— вежливо обратилась она.

Директор поднял трубку.

— Да, слушаю вас...

— Мне сказали, что вы срубили посаженное мною дерево,— грубым голосом, сквозь кашель спросил неизвестный.

— Вы знаете, на этом месте мы посадили уже три дерева,— виновато ответил директор.

— Мне жаль вас, но вы молоды и не знаете, кто такой Ильхом Ибрагимович. Поэтому за дерево, посаженное мной, вы еще ответите...

Директор подумал, что с ним говорит больной, выживший из ума старик. Поэтому он осторожно положил трубку на рычаги и вышел из кабинета.

Через два дня его вызвали в министерство, где прямо спросили, почему он вырубает деревья.

— Деревья? Какие деревья?— переспросил директор.

— Вы бросьте разыгрывать нас. Говорят, что вы на территории завода вырубаете деревья, посаженные нашими уважаемыми и почитаемыми стариками.

— Да, вырубаяю и продаю по три рубля на старом базаре,— возмутился директор.

— Вы, пожалуйста, успокойтесь,— попросил замминистра.— И знайте свое место. Не надо было трогать дерево, посаженное самим Ильхомом Ибрагимовичем. Не надо было! Съездите к нему домой да извинитесь, как следует извинитесь. Он хороший человек, может, и простит.

Директор на это ничего не ответил и уехал обратно на завод. Приехав к себе, он запросил в отделе кадров личное дело Ильхома Ибрагимовича.

— Ну что ж, давайте познакомимся и с вами,— проговорил директор, рассматривая фотографию в деле.— Родились вы в 1921 году, беспартийный, образование пять классов. В Великой Отечественной

войне не участвовали, была бронь. Сорок четыре года работали завскладом. Ой-ей!— почесал он затылок.— Раз, два, три... одиннадцать баз сменили. И на нашем заводе десять лет отработали,— глубоко вздохнув, закончил директор.

Он пригласил к себе главного инженера и спросил:

— Вы знаете Ильхома Ибрагимовича?

— Да,— смутившись, ответил главный инженер.— Но лучше о нем не говорить. Он тут всех допек. Никому житья не давал... На кого хотел, на того и писал. Его и стыдили, и предупреждали. Так до пенсии и не исправился. Когда он ушел с завода, то был настоящий праздник. В общем, он был негласным хозяином завода. Все директора завода вынуждены были перед ним на цыпочках ходить. А что вы о нем вдруг вспомнили? Вы же его вроде бы не знаете.

Директор, улыбнувшись, сказал:

— Срубленное дерево познакомило. Помните, был у нас пожар, когда при пожаре дерево пострадало.

— А при чем здесь Ильхом Ибрагимович?— пожал плечами главный инженер.

— Говорит, что он посадил, вырастил, а я вот срубил,— улыбаясь, пошутил директор.

— Сумасшедший он. Куда ему деревья сажать? всю жизнь другим делом был занят. Хозяином он здесь себя чувствовал. И все перед ним преклонялись. Странно вроде, а ведь так и было.

Через день приехал из редакции газеты журналист и полдня директор рассказывал, почему и зачем было срублено дерево.

Так продолжалось бы долго, если бы старик не сдержал свое слово. Он принес на завод два дутара, и в обеденный перерыв возле прохладных фонтанов нежно зазвучала музыка, приглашая всех работников на праздник. Из собравшихся быстро образовалась певческая группа, которая исполнила несколько мелодичных песен.

Директор, наблюдая за происходящим, подумал: «Как же талантлив наш народ. И как много нужно сделать, чтобы народ был счастлив. А тут иногда старое, ничемное держит двумя руками и не пускает, мешает работать. У меня, директора, столько дел, а тут целый год — о дереве. Конечно, природу надо беречь. Хорошо, что хоть только за дерево ругают. А вот если бы за завод, где приходится все ломать и перестраивать. А новое само собой не приходит. Приходится требовать, ругать, ошибаться». Думая об этом, директор не скрывал грустной улыбки.

С приходом осени на территории завода опять сажали новые деревья и цветы. И когда директор завода узнал, что умер Ильхом Ибрагимович, то поехал на кладбище и у его могилы посадил две чинары. Когда его спросили, почему он посадил две чинары, а не одну, он ответил: «На всякий случай».

Если хотите узнать подробнее эту историю, то зайдите в заводской клуб, где на самом видном месте висят два дутара, красиво сделанные умелыми руками. Возьмите их и прикоснитесь к их мелодичным струнам, и они расскажут вам о жизни — вечной и прекрасной.

«МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Солнце уходило с неба на ночлег. В весеннем саду играл оркестр. За праздничными столами гуляли люди. Он был здесь случайным гостем. Ему, как незнакомцу, уделяли больше внимания, чем другим и, конечно же, наливали побольше. Гости ели, пили, пели и танцевали... Вытащили из-за стола и его. А у него не слушались, подкашивались ноги. Он упал бы, если б женщина в белом греческом платье его не поддержала. Он с благодарностью посмотрел в ее глаза и воскликнул:

— О боже! Какие звезды я вижу!—
Задрав голову вверх, он осмотрел небо и, покачав головой, неожиданно заключил:—
Чепуха! Где же я еще видел эти звезды, где? А-а, вспомнил!.. В колодце прошлым летом, в жаркий полдень.— И внимательно взглядевшись в женщину, спросил:—
Кто вы такая?

— Я?— смутившись, рассмеялась женщина и, уперев руки в талию, промолвила:— Я — Маргарита.

— Маргарита?— повторил он непослушным языком.— Где же твой Мастер?— спросил он.

Раздался хохот...

— Дурак!— вскрикнула она.— Мастер давно умер.

— Умер...— многозначительно повторил он.— А почему ты жива?

— Уберите его от меня, привязался как банный лист,— со злостью сказала женщина.

Он опустился на колени и, закрыв лицо ладонями, шептал:

— Ах эти звезды, звезды...

— Что с тобой? Ты что,— спросила женщина,— плачешь? Да не хотела я его обидеть, уйдите прочь!— кричала женщина.— Что с тобой, я действительно не хотела тебя обидеть. Вставай, земля еще холодная,— ласково уговаривала она.

Он, приподнявшись с земли, обнял ее и прошептал на ухо:

— Здравствуй. Теперь я знаю, кто ты. Я вспомнил, где и когда видел эти звезды. Так ты говоришь, что Мастер умер?

— Что с тобой, юноша?— улыбнувшись, спросила она.— О каком Мастере ты говоришь?

— Ах, так ты еще не поняла?— продолжал он.— Ты не знаешь, что в нашем детдоме я нарисовал свою первую картину и назвал ее «Звезды». На голубом фоне — женщина в белом платье идет к восходу солнца с полевыми цветами в руках. И в глазах у нее,— не знаю, почему у меня так получилось,— искрились звезды. Когда меня спросили, почему я нарисовал эту женщину, я ответил: «Это же моя мама».

Они стояли и смотрели друг на друга.
По щекам ее текли слезы.

Она сказала:

— Здравствуй! Где же ты так долго был?

— Это я спрашиваю, где ты была, почему не искала меня?— говорил он.

— Я оберегала Мастера. Он у меня был хорошим, добрым человеком. Долго болел, и я от него не могла отойти,— по-матерински ласково говорила она.

Гости не могли понять происходящего. И стали покрикивать:

— Что там у вас за симпозиум?

А они продолжали говорить о жизни, о звездах. Вдруг женщина, гордо повернувшись к присутствующим, ясным голосом сказала:

— Друзья! Знакомьтесь, это мой сын.

— С вами, братцы, не соскучишься,— громко выпалил один из гостей.

— Ну и не скучайте!— отпарировала женщина.— Мы с сыном решили уехать к морю. Он там родился. Найти там колодец, где в жаркий полдень можно увидеть звезды, такие же, какие видел мой сын, что в момент печали появляются в моих глазах.

Среди гостей раздался шепот и смех.

Женщина, подняв к небу голову, воскликнула:

— Сынок, а сынок, нам нужно идти. Нас ждут звезды.

Присутствующие сидели молча, так и не поняв происходящего. Один из гостей, провожая их взглядом, подытожил:

— Сумасшедшая ваша Маргарита. И Мастер ее был странным человеком. И еще этот пришелец. Какой там сын, если она, на вид, старше лет на пять, на семь. И сразу «сын», «сын».

Среди гостей раздался голос девушки:

— Возможно, это и так... Я с вами согласна. Но вот как быть со звездами?

— Со звездами — это сложнее, — ответил мужчина.

Оркестр играл вечернюю мелодию, словно предвещал разлуку, хрипел в оркестре саксофон, пытаясь рассказать о грустном. Но никто не грустил и не плакал. Только из весеннего сада вышли двое — он и она, которые говорили о море, звездах, чайках и еще о чем-то, чего нельзя было слышать. Возможно, о дружбе, о любви. И еще о чем-то, о чем невозможно не говорить, если их двое...

СОДЕРЖАНИЕ

Если б кто-нибудь знал	3
----------------------------------	---

Цветение граната

Рук волшебных доброта	4
Цветение граната	8
Бухарские мотивы	10
Красота восходящего солнца	14
Лучше бы она умерла	19
Сад над головой	20
Шах и камень	23
Водонос	25
Здравствуй, ясное солнышко	30
Завещание	32
«Нужно только взять и позвонить...»	37
Желтый трамвай	44

При восходе солнца

Полет	47
Сердце, потерпи немножко	48
О душе	49
Надо же	50
Под крылатой чинарой	51
Два кувшина	53
Встреча в трамвае	55
При восходе солнца	57
Запоздалое желание	58
Почему?	59
Журавлик	60
Размышление о жизни	62
Рассказ незнакомца	65
Источник жизни	67

Два дутара

Сто золотых таньга	70
Кувшин с водой	74
Мастер	79
Ломтик дыни	85
Дядя, верни солнце!	91
Встреча	97
Садовник	109
В ритме танца	112
Сад Саттара-ака	119
Мой первый гонорар	124
Поэт	130
Рисунки Дон-Кихота	138
Два дутара	147
«Мастер и Маргарита»	155

Литературно-художественное издание

АБДУМАНАП АБДУРАИМОВИЧ АЛИМБАЕВ

МНЕ ЕСТЬ ЧТО СКАЗАТЬ ВАМ, ЛЮДИ

Рассказы

Редактор Л.А. Казакова

Художник Р.Азиханов

Художественный редактор А. И. Кива

Технический редактор В. Н. Барсукова

Корректор Т. И. Краси льникова

ИБ №5050

Сдано в набор 09.03.92. Подписано в печать 30.04.92. Формат 70×90^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,85. Усл. краск. отт. 6,14. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 15000. Заказ № 1434. Цена 7р. Договор № 21—92.

Издательско-полиграфическое объединение имени Гафура Гуляма Государственного комитета по печати Республики Узбекистан. 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Отпечатано на АПТПК Государственного комитета по печати Республики Узбекистан, 700129. Ташкент, ул. Навои, 30.

Алимбаев Абдуманап Абдураимович прошел настоящую школу трудового мастерства. Закончил без отрыва от производства Загорское художественно-промышленное училище, ТашГУ и ТИНХа. Работал на различных предприятиях г. Ташкента в должностях мастера, начальника цеха, инженера, ныне является генеральным директором завода «Средазэлектроаппарат». Удостоен почетного звания «Заслуженный работник промышленности Узбекистана». Настоящий сборник новелл — первый опыт автора в литературе, представляющего на суд читателей свой взгляд на жизнь. «Взгляд» этот выдает человека увлеченного, небесстрастного, умеющего разглядеть нечто интересное за кажущейся прозой бытия.